Два мира

Следы в тени леса

Усманов Х.

Хайдарали Усманов

Два мира. Следы в тени леса

«Автор»
2026

Усманов Х.

Два мира. Следы в тени леса / Х. Усманов — «Автор», 2026

Жизнь Алексея только начиналась. Да, тяжёлая. Самостоятельная. Но несчастный случай прямо на выпускном вечере всё уничтожил. Ведь парень, спасая других, погиб в пожаре. Но то, что другие видели, как гибель, для самого парня оказалось дверью в новую жизнь. Тоже не такую уж и лёгкую, как хотелось бы. Ведь он, пройдя сквозь пламя, оказался в мире, где мистика и выдуманные на Земле кошмары, оказались реальностью. Но появление парня в этом мире даже самому ему кажется подозрительным. Ведь даже его собственная кровь оказывается чем-то неведомым для этого мира. Что могло его не только возвысить, но и погубить. И теперь ему предстояло балансировать на этом лезвии, чтобы выжить. И как у него это получится, сложный вопрос...

© Усманов Х., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Весть, опередившая страх 5
Посольства перед бурей 19
Когда туман приходит к стенам 30
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Хайдарали Усманов
Два мира. Следы в тени леса

Весть, опередившая страх

Первые гонцы с дипломатическими письмами покинули столицу Даюн ещё до того, как последние придворные успели разойтись после чрезвычайного приёма. Они выезжали через разные ворота, следуя каждый по своему маршруту, и везли запечатанные послания, содержание которых не предназначалось для чужих глаз. На свитках стояли личные печати послов, а поверх шнуров, которыми стягивали свёрнутую бумагу, лежали дополнительные оттиски дипломатических ведомств. Одни письма предназначались правителям соседних государств, другие — командующим пограничных армий, третьи следовало передать министрам, отвечавшим за снабжение, укрепления и сбор сведений о скверне.

На первый взгляд, ничего необычного в происходящем не было. Подобные гонцы и прежде преодолевали сотни ли, меняли загнанных лошадей на почтовых станциях, ночевали в придорожных укреплениях и предъявляли удостоверения чиновникам, которые не смели задерживать посланников с печатями подобного рода. Войны, наводнения, голод, мятежи и смерть высокопоставленных лиц не раз заставляли государственную почту работать без сна и отдыха. Но на этот раз в каждом послании имелась одна особенность, из-за которой даже опытные гонцы, привыкшие не задавать вопросов, старались не задерживаться на постоялых дворах.

В приказах особо оговаривалось, что сообщение должно быть доставлено лично адресату или уполномоченному им лицу, а любые попытки задержать гонца, вскрыть свиток или заменить сопровождающего следовало немедленно заносить в отдельный доклад. На некоторых маршрутах отправлялись сразу двое всадников, каждый со своим экземпляром письма. Один ехал по главной дороге, другой — через горные перевалы, где путь был длиннее, зато позволял обойти крупные города и владения местных правителей. Никто не объяснял им, почему обыкновенного письма вдруг оказалось недостаточно.

Гонцы не знали всех подробностей. Большинству из них сообщили лишь, что дело касается безопасности восточных рубежей и требует немедленного внимания иностранных дворов. Однако среди сопровождающих находились и те, кто успел услышать разговоры дворцовых служителей. Кто-то видел, как из императорского дворца под усиленной охраной вывозили большой ларь, обложенный охлаждающими амулетами. Кто-то заметил, что в военном ведомстве в спешке поднимали старые карты приграничных областей. А один из конюхов рассказывал, будто видел чиновника, который после выхода из кабинета министра несколько раз вытирал вспотевшие ладони о дорогие рукава, хотя на улице стояла прохлада.

Эти обрывки слухов не складывались в ясную картину, но всякий, кто хоть немного знал устройство имперской власти, прекрасно понимал, что если уж дворец поднимает такую суету, то речь точно идёт не о споре из-за торговых пошлин и не о очередном конфликте между пограничными командирами. Самым неприятным было то, что никто не называл случившееся войной.

В официальных формулировках говорилось об обнаружении неизвестного разумного противника, возможном целенаправленном распространении скверны и необходимости обмена сведениями. Слова были осторожными, почти сухими, однако за ними угадывалось нечто, чего чиновники старались не произносить вслух. Привычные представления о том, с чем именно сражаются люди на границе, могли оказаться ошибочными. И именно эта мысль отправилась вместе с гонцами во все стороны света.

Первым из соседних государств, куда прибыл посланник из Империи Даюн, стало небольшое горное царство Ханмён, лежавшее к северо-западу от имперских владений.

Между его столицей и заражёнными землями находились протяжённые горные хребты, несколько крупных рек и обширные леса. На протяжении последних десятилетий правители Ханмёна считали, что сама природа служит им надёжной защитой от бедствий, охвативших восточные территории. Конечно, до них доходили сообщения о скверне. В отдельных ущельях находили почерневшие деревья, иногда в отдалённых деревнях появлялись уродливые звери, а случалось, что охотники возвращались с рассказами о существах, которые не походили ни на одно известное животное.

Однако подобные случаи оставались редкими. Их расследовали местные чиновники, на опасные участки отправляли отряды, после чего наиболее пострадавшие места окружали частоколами или объявляли запретными. Если заражённое существо удавалось убить, его останки сжигали, а если не удавалось — собирали ополчение, привлекали храмовых служителей и тратили столько людей и серебра, сколько требовалось для того, чтобы прекратить бедствие. Постепенно всё это стало восприниматься как неприятная, но привычная часть жизни.

Ведь если бы скверна действительно представляла собой угрозу всему государству, рассуждали местные сановники, она давно распространилась бы по их землям повсеместно. Между тем урожаи продолжали собирать, торговые караваны ходили через перевалы, а правители соседних владений больше спорили о праве взимать пошлины с купцов, чем о неведомой заразе, приходившей издалека. Поэтому появление имперского гонца сначала вызвало лишь раздражение.

В тот день государь Ханмёна принимал доклады о ремонте горных дорог. За длинным столом лежали свитки с расчётами, образцы древесины и небольшие модели мостов, которые предстояло восстановить после весенних оползней. Министр финансов доказывал, что выделение дополнительного серебра на строительство сторожевых постов не предусмотрено бюджетом, а командующий северной армией убеждал присутствующих, что без новых складов продовольствия войска не смогут долго оставаться в горах. Когда двери распахнулись и вошёл начальник дворцовой охраны, разговоры оборвались.

— Ваше величество, гонец из Империи Даюн. При нём послание с личной печатью посла. Он требует немедленной аудиенции.

— Требует? — переспросил государь, подняв глаза от расчётов.

Вопрос прозвучал почти беззлобно, но начальник охраны всё же опустил голову.

— Он сослался на распоряжение нашего посла в Империи. Сообщение касается безопасности наших земель.

Министр финансов негромко хмыкнул.

— Если бы каждое письмо из Даюн касалось безопасности наших земель, нам пришлось бы ежедневно собирать весь двор. Их чиновники привыкли говорить о безопасности, когда хотят получить от соседей новые уступки.

Несколько сановников поддержали его сдержанными улыбками. Отношения их государства с Империей Даюн всегда были достаточно сложными, чтобы подобное предположение казалось вполне естественным. Империя обладала сильной армией, многочисленными крепостями и значительно большими ресурсами, а её дипломатам нередко удавалось превращать любые переговоры в разговор о том, какую выгоду должны получить сами имперцы.

Государь, однако, не улыбнулся.

— Где гонец?

— Ожидает во внешнем зале. Он просил передать, что не имеет права вскрывать письмо и что должен дождаться подтверждения о его личном вручении.

— Тогда приведите его.

Через несколько минут в зал вошёл молодой мужчина в дорожной одежде. Его плащ был покрыт засохшей грязью, сапоги потемнели от воды, а на поясе висела небольшая сумка с печатями почтовых станций. По тому, как он держался на ногах, было заметно, что последнюю часть пути он преодолел почти без отдыха. Гонец поклонился, снял с груди водонепроницаемый футляр и вынул из него свёрнутый свиток.

Государь принял послание лично. На тёмном сургуче — или, точнее, на специальной смоле, которой в Империи Даюн запечатывали важные государственные документы, — отчётливо виднелся знак посла. Второй оттиск принадлежал печати, которую полномочному послу вручил сам властитель царства перед отправкой. И одно только его присутствие говорило о том, насколько серьёзное содержимое может быть в этом свитке. От чего насмешливые улыбки на лицах сановников постепенно исчезли. Даже если письмо было связано с очередными дипломатическими требованиями, такая печать означала, что вопрос затрагивал не только торговлю или отношения между дворами. Оно свидетельствовало напрямую о том, что тут могли быть замешаны и военные интересы. А но подобные интересы редко смешивались в переписке с соседями без веской причины. А если уж подобную печать ставили рядом с личной печатью посла, значит, речь шла о деле, которое даже сам государь Империи Даюн счёл достаточно важным, чтобы взять под личный контроль.

Задумчиво хмыкнув, Ханмёнский правитель сломал печать и развернул письмо. Сначала он читал быстро. Затем замедлил движение глаз, вернулся к началу одного из абзацев и перечитал его ещё раз. На лице не появилось ни испуга, ни гнева, однако пальцы, державшие бумагу, слегка напряглись.

В письме сообщалось об обнаружении разумного существа, вооружённого и облачённого в защитное снаряжение, которое не походило на экипировку людей Империи Даюн. Его останки были доставлены в столицу, где Император лично убедился в том, что перед ним не обычный изменённый зверь. Существо имело человеческое строение тела лишь в самом общем смысле. Вытянутая шея, узкие отверстия вместо привычного носа, чешуйчатые участки кожи, необычные пропорции головы и конечностей придавали ему сходство с человеком, которого природа попыталась соединить со змеёй.

В тексте оно называлось *ракшаас*. Дальше следовало описание обстоятельств, при которых это существо было обнаружено. Особое внимание уделялось тому, что именно ракшаас могли намеренно переносить и распространять скверну, используя специально подготовленные предметы, способные служить источниками заражения. Затем упоминался детский череп.

Государь дочитал до конца и положил письмо на стол. В комнате стало тихо. Даже министр финансов, обычно не упускавший возможности высказать замечание, теперь внимательно следил за лицом своего повелителя.

— Ваше величество? — осторожно спросил начальник охраны.

— Созвать Государственный совет. — Мрачно произнёс правитель. — Немедленно. Пусть придут командующий армией, начальники всех пограничных гарнизонов, министр финансов, главный лекарь двора и руководитель службы тайных донесений. Также вызовите хранителя архивов.

— Всех сразу? — невольно переспросил один из сановников.

Государь медленно повернул к нему голову.

— Разве я сказал что-то непонятное?

Чиновник побледнел и поспешно склонился в поклоне.

— Нет, Ваше Величество.

— Тогда выполняйте приказ.

Когда слуги и охрана засуетились, государь снова посмотрел на письмо. Он не был человеком, который легко поддавался страху, и не собирался объявлять войну на основании одного послания. Но в сообщении из Империи Даюн имелась деталь, которую он не мог отмахнуть как

дипломатическую выдумку. Если разумные существа действительно умели переносить скверну в специально подготовленных вместилищах, то прежние случаи заражения территорий в Ханмёне могли быть не случайными. И если это предположение верно, то границы их государства могли быть уязвимы независимо от того, насколько далеко находились владения, уже поглощённые туманом.

Совет собрался спустя час. К тому времени известие успело просочиться за пределы дворцовых помещений. Слуги видели, как один за другим прибывали военные чиновники, архивариусы и лекари. Несколько старших офицеров явились прямо с тренировочных площадок, не успев сменить запылённую одежду. Двух министров пришлось разбудить, а начальника службы тайных донесений нашли в архивном помещении, где он разбирал отчёты о пропавших торговых караванах.

Подобная спешка сама по себе была достаточной причиной для тревоги. Когда государь появился в зале, все уже сидели на своих местах. Он не стал тратить время на обычные приветствия и сразу передал письмо главному военному советнику.

— Прочитайте вслух.

Советник прочёл послание от начала до конца, не пропуская ни одной строки. По мере того, как звучали слова о ракшаас, о детском черепе и о способности неизвестных существ распространять скверну, выражения лиц присутствующих менялись.

Главный лекарь задумчиво нахмурился, словно пытался мысленно сопоставить услышанное с известными ему случаями заражения. Архивариус несколько раз потянулся к рукавам, но всякий раз останавливал себя. Командующий армией сохранял внешнее спокойствие, хотя его взгляд становился всё тяжелее.

Первым заговорил министр финансов.

— Простите, ваше величество, но это может быть попыткой Империи Даюн втянуть нас в дорогостоящее военное сотрудничество. Империя давно стремится укрепить своё влияние на соседние государства. Теперь им понадобились наши средства, наши люди и, вероятно, право размещать свои войска в приграничных областях. Не исключено, что рассказ о неизвестном враге служит лишь удобным предлогом.

Несколько сановников согласно кивнули. Это была вполне разумная мысль. Никто из присутствующих не мог лично подтвердить, что ракшаас существуют. Все сведения поступили от государства, которое обладало собственными политическими интересами, а потому осторожность оставалась необходимой.

Со всеми этими фактами государь не стал спорить.

— Возможно. Поэтому я не предлагаю немедленно отправлять войска в распоряжение Империи Даюн. Я предлагаю выяснить, насколько сведения соответствуют действительности. Командующий, что вы можете сказать о случаях появления скверны на нашей территории?

Военачальник поднялся.

— За последние пятнадцать лет в официальных отчётах зарегистрировано двадцать семь случаев появления изменённых существ за пределами областей, где скверна встречается постоянно. В большинстве случаев речь шла об одиночных животных. Но были и более серьёзные происшествия.

— Насколько серьёзные?

— Три поселения пришлось эвакуировать. В одном случае погибло почти сорок человек, прежде чем местный гарнизон смог уничтожить заражённое существо. В другом отряд из двадцати семи бойцов потерял больше половины состава. В третьем пришлось привлечь воинов из соседнего округа, храмовых служителей и несколько десятков охотников, прежде чем удалось очистить заражённую долину.

Министр финансов поморщился.

— Но все эти случаи были разрешены.

— Не все… — возразил командующий. — В некоторых местах мы лишь прекращали распространение скверны в непосредственной близости от поселений. Несколько участков леса и горных ущелий остаются закрытыми до сих пор.

— И вы хотите сказать, что эти существа могли появиться там из-за ракшаас?

— Я хочу сказать, что мы никогда не могли объяснить, откуда вообще могло появиться подобное явление скверны. Она просто появлялась там, где её ранее просто никогда не было.

Это признание оказалось неприятнее любых предположений. До сих пор военные исходили из того, что скверна распространяется по каким-то собственным законам. Возможно, заражённые существа перемещались с востока, уходя от тумана. Возможно, некоторые из них могли долго существовать в изоляции, прежде чем внезапно появлялись в человеческих владениях. Допускались даже редкие природные явления, при которых заражённые участки возникали на значительном удалении от основной границы тумана. Ни одна из гипотез не была доказана.

Теперь же появлялось объяснение, которое выглядело слишком простым, чтобы его можно было игнорировать. Кто-то мог принести скверну. Не целый отряд чудовищ, не огромный кусок заражённой земли и даже не животное, способное самостоятельно преодолеть горы и реки. Достаточно было одного существа, которое умело переносить источник заражения и оставлять его там, где считало нужным.

— Допустим… — произнёс министр финансов после продолжительного молчания. — Допустим, подобные создания действительно существуют. Как они могли добраться до наших земель, не попавшись ни одному дозору? Наши горные дороги охраняются. Перевалы контролируются. Большие реки пересекают только в определённых местах.

— А леса? — спросил начальник тайных донесений.

Министр повернулся к нему.

— Что?

— А заброшенные дороги? Старые охотничьи тропы? Высохшие русла рек? Ущелья, по которым никто не ходит зимой? Мы не контролируем каждый метр границы. Даже если ракшаас немногочисленны, им не обязательно проходить через наши заставы. Достаточно найти путь, которым пользуются звери или местные охотники.

— Но почему тогда мы не находили их следов?

— Возможно, потому что не искали следы разумных существ. Мы искали заражённых животных.

Это замечание вызвало недовольный ропот, но никто не смог привести убедительного возражения. Главный лекарь, до сих пор молчавший, осторожно наклонился вперёд.

— Есть ещё один вопрос. В письме сказано, что ракшаас переносили источник скверны в специально подготовленном вместилище. Если это действительно так, то мы просто обязаны выяснить всё о том, каким образом он действует. Возможно ли, что заражение начинается только после определённого воздействия? Или достаточно просто оставить такой предмет в подходящем месте?

— Вы хотите исследовать сам этот источник? — спросил государь.

— Разумеется. Но не в жилом помещении и не рядом с людьми. Если мы получим подобный предмет, я потребую отдельное изолированное место, несколько защитных барьеров и разрешение отказаться от исследования, если возникнет опасность для окружающих.

— Разумная осторожность… — одобрил правитель.

Архивариус, который до сих пор не произнёс ни слова, поднял руку.

— Ваше величество, если позволите, я хотел бы уточнить один момент.

— Говорите.

— В старых хрониках есть упоминания о случаях, когда изменённые существа появлялись в местах, где прежде не было признаков скверны. Иногда речь шла о колодцах, иногда

— о складах зерна, а в одном документе говорится о небольшом монастыре, где заражение началось сразу в трёх разнесённых друг от друга зданиях. Тогда это объясняли небрежным обращением с останками чудовищ. Но если предположение из письма, прибывшего к нам из Империи Даюн верно, возможно, причина была иной.

— Вы можете найти эти записи?

— Я могу найти сами хроники. Однако часть документов старая, некоторые переписывались несколько раз, а отчёты из дальних провинций порой составлялись людьми, которые не умели отличить обычную болезнь от воздействия скверны. На полноценную проверку потребуется время.

— Получите всё необходимое… — распорядился государь. — Начните с последних тридцати лет. Затем двигайтесь дальше в прошлое. Особое внимание уделите случаям, когда заражение возникало внезапно, вдали от известных заражённых областей.

Он посмотрел на командующего армией.

— Удвоить число дозоров на основных перевалах. Но не ослаблять остальные участки ради этого. Если противник действительно умеет проникать незамеченным, нет смысла оставлять ему очевидные проходы.

— Будет исполнено.

— И ещё одно. Я не хочу, чтобы кто-либо из наших чиновников отправился к восточной границе Империи Даюн с намерением лично проверить существование тех самых ракшаас.

Министр финансов слегка приподнял брови.

— Ваше величество, разве кто-то предлагал такое?

— Пока нет. Но я знаю наших людей. Среди них обязательно найдётся человек, который решит, что все эти сведения — преувеличение, а значит, достаточно отправить небольшой отряд и вернуться с доказательствами. Если кто-нибудь пожелает это сделать, пусть сначала придёт ко мне и объяснит, каким образом он собирается вернуться с заражённой территории, если там действительно действует разумный противник.

На этот раз никто не улыбнулся. Потому что все присутствующие знали ответ. Никто не собирался добровольно идти в земли, где обычные нефритовые талисманы могли не обнаружить врага, где разведка почти не работала, а любое столкновение с заражёнными существами могло закончиться гибелью всего отряда. И даже если бы смельчакам удалось добраться до нужного места, у них не было ни малейшей гарантии, что они сумеют найти там хоть что-нибудь, кроме тумана, руин и изменённых зверей. Государь не требовал верить представителям Империи Даюн на слово. Он требовал признать, что цена ошибки слишком высока…

……..

В другом государстве, расположенном к югу от владений Империи Даюн, известие встретили гораздо громче.

Царство Сорим славилось своими торговыми городами, богатыми портами и многочисленными ремесленными мастерскими. Его правители предпочитали решать вопросы серебром, договорами и давлением на торговые пути, а армия, хотя и была многочисленной, редко участвовала в длительных кампаниях вдали от собственных границ.

Скверна казалась соримским чиновникам проблемой чужих земель. Она приходила из восточных областей, где годами гибли люди, исчезали деревни и рушились крепости. Там жили другие народы, там находились другие армии, и там же имелись причины тратить огромные средства на защиту от тумана. Сорим не был совершенно защищён от бедствия, но случаи появления заражённых существ на его территории случались настолько редко, что каждый раз становились отдельным событием. Именно поэтому гонец из Империи Даюн застал дворец врасплох. Правитель Сорима принимал посланников торговых гильдий, когда начальник дворцовой канцелярии доложил о прибытии имперского гонца. Государь велел передать, что аудиенция состоится после завершения текущего заседания, однако гонец отказался уходить.

— Он не просит ускорить приём, ваше величество… — сообщил канцлер, явно испытывая неловкость. — Он утверждает, что обязан лично передать письмо, и что промедление может поставить под угрозу безопасность нашего государства.

— Все гонцы говорят, что их письма важнее чужих…— раздражённо ответил правитель.

— Он предъявил личную печать нашего посла в Даюн.

Государь помолчал, затем отложил документы.

— Приведите его.

В этот раз гонец оказался пожилым, с седой полосой в волосах и глубокой складкой между бровями. Его одежда была изрядно потрёпана, но футляр с письмом выглядел безупречно. Он поклонился и передал свиток. Правитель прочитал его стоя. Когда он дошёл до описания ракшаас, то остановился и посмотрел на канцлера.

— Это что, какая-то шутка?

— Ваше величество?

— Человек со змеиной головой? Чешуйчатая кожа? Неизвестное оружие? Они действительно ожидают, что я поверю в подобную нелепость?

Он снова взглянул на письмо.

— И что это за название? Ракшаас. Будто речь идёт о чудовище из старой сказки.

— Император Даюн утверждает, что тело доставлено в его столицу. — осторожно заметил канцлер.

— Император Даюн утверждает множество вещей. Это ещё не означает, что всё написанное правда.

Он бросил письмо на стол, но не отодвинул его.

В зале находились несколько торговых представителей, и они с заметным интересом наблюдали за происходящим. Один из них, человек с тяжёлыми золотыми кольцами на пальцах, позволил себе усмешку.

— Возможно, Империя Даюн просто хочет заставить соседей платить за укрепление своих границ. Если у них появился новый враг, почему мы должны расходовать собственные средства? Пусть сами разбираются со своими чудовищами.

Некоторые присутствующие одобрительно загудели. Но канцлер не поддержал их. Он слишком хорошо знал, что в последние годы в Сориме происходило нечто странное.

Четыре года назад в одной из прибрежных деревень появились изменённые крабы, каждый размером с крупную собаку. Они вылезали из воды по ночам, ломали двери и уносили людей, а их панцири не пробивали обычные охотничьи копья. На уничтожение их колонии ушло почти два месяца, и даже после этого рыбаки ещё долго находили в сетях уродливых существ с лишними конечностями.

Два года спустя на складе зерна возле южной дороги началось внезапное заражение. Несколько работников заболели, затем в амбарах появились мелкие существа, похожие на бескрылых ящериц с прозрачными брюхами. Они размножались так быстро, что пришлось сжечь три здания вместе со всем содержимым. Убытки оказались настолько велики, что владелец склада разорился, а местный чиновник лишился должности за то, что слишком долго скрывал случившееся.

А прошлой зимой в горном селении обнаружили оленя с человеческими руками вместо передних ног. Существо не нападало на людей сразу. Оно несколько дней ходило возле домов, наблюдало за жителями, а затем ночью ворвалось в жилище старосты и убило всех, кто находился внутри. На его уничтожение отправили отряд из тридцати солдат, двух опытных охотников и лекаря, знакомого с воздействием скверны. Из тридцати человек вернулись семнадцать.

И ни в одном из этих случаев никто не смог объяснить, откуда пришло заражение.

— Ваше величество, — произнёс канцлер, — разрешите мне задать вопрос.

— Задавайте.

— Если сообщение из Империи Даюн — ложь, то почему наш собственный посол отправил его с такой поспешностью? И почему Император Даюн лично сообщил эту информацию, как там указано, всем послам сопредельных государств?

Правитель нахмурился.

— Возможно, они хотят убедить нас в серьёзности угрозы.

— Тогда зачем сообщать сведения, которые легко проверить, если тело действительно находится в столице Империи? Это слишком рискованный обман.

— Может быть, они и сами ошибаются.

— Возможно… — Немного подумав, согласился канцлер. — Но если они ошибаются, нам ничего не мешает провести собственное расследование. Если же они правы, то отказ от проверки может обойтись нам куда дороже.

Торговец с золотыми кольцами недовольно поджал губы.

— И каким образом вы предлагаете это проверить? Отправить людей в земли, где уже несколько столетий живут одни чудовища?

— Нет. Я предлагаю поднять наши собственные архивы и проверить случаи появления скверны на нашей территории.

— А если после этого вы решите, что ракшаас действительно существуют, что тогда? Мы объявим войну всем змеям в мире?

— Мы хотя бы будем знать, с чем имеем дело.

Торговец фыркнул.

— А может быть, вы хотите получить новые полномочия? Сейчас вы потребуете людей для расследования, завтра — деньги на укрепления, послезавтра — право распоряжаться армией. Всё ради призрачных существ, которых никто из нас не видел.

Правитель поднял руку, прекращая спор.

— Довольно. Канцлер, подготовьте доклад о случаях появления скверны за последние двадцать лет. Найдите все отчёты, включая те, что были признаны недостоверными. Если потребуется, опросите выживших и родственников погибших.

Затем он повернулся к командующему городской стражей, который присутствовал на заседании.

— Вы слышали письмо. Что скажете?

Военачальник ответил не сразу.

— Я не могу подтвердить существование ракшаас. Но могу подтвердить, что некоторые изменённые существа появлялись слишком далеко от заражённых земель, чтобы объяснить их присутствие обычным перемещением. По крайней мере, я никогда не видел следов, которые указывали бы на долгий путь через наши владения.

— А если они способны переносить скверну?

— Тогда им не нужно идти через наши владения целиком. Им достаточно добраться до места, где можно оставить источник заражения.

Тишина, наступившая после этих слов, оказалась куда более тяжёлой, чем прежний спор. Ведь это означало, что многочисленные посты, заставы и охраняемые дороги могли оказаться бесполезны. Они защищали от армии, от бандитов, от обычных зверей и даже от некоторых изменённых существ. Но если противник был способен пройти через лес, воспользоваться заброшенной тропой, пересечь реку или скрыться среди торговых путников, а затем оставить в нужном месте предмет, который сам становился рассадником скверны, то существующая система охраны не могла гарантировать безопасность.

— Допустим… — Медленно произнёс правитель. — Но почему они должны нападать именно на нас? Если у них есть возможность проникать в человеческие земли, они могли бы давно уничтожить наши города.

— Возможно, они не стремятся уничтожить города сразу, — ответил канцлер. — Возможно, они исследуют наши земли. Или готовят условия для чего-то большего. Мы не знаем их целей.

— А если письмо из Империи Даюн правдиво, то имперцы тоже не знают… — добавил командующий. — Иначе они не стали бы обращаться к соседям.

Эта мысль оказалась неожиданно убедительной. Император Даюн мог преследовать собственные интересы. Империя могла преувеличивать угрозу, добиваясь союзников, денег или дипломатических уступок. Но даже если исключить все предположения, оставался факт того, что государство, которое долгие годы сдерживало основную массу скверны, внезапно обнаружило свидетельства того, что противник способен действовать разумно, скрытно и целенаправленно. Если подобные существа действительно существовали, то и Сорим мог оказаться в гораздо большей опасности, чем прежде предполагали его правители. И никакие торговые договоры не могли изменить этого обстоятельства.

В тот же день в Сориме нашлись люди, которые предложили самый простой способ проверить сведения. Во время отдельного заседания, созванного уже после ухода торговых представителей, один из младших военных советников заявил, что слухи о разумных змееподобных существах следует проверить на месте. Он говорил уверенно, с той самоуверенностью, которая нередко появляется у людей, знающих о войне по картам и донесениям, но не участвовавших в настоящем сражении с заражёнными тварями.

— Если Император Даюн не врёт, — заявил он, — мы должны увидеть доказательства собственными глазами. Достаточно отправить небольшой отряд на восток, к ближайшим заражённым областям. Они обследуют местность, найдут следы этих существ и вернутся с докладом. Если же ничего не обнаружат, мы поймём, что имперцы раздувают опасность.

Командующий армией, присутствовавший на заседании, посмотрел на молодого советника так, словно тот только что предложил провести военные учения на дне глубокого колодца.

— Сколько людей вы собираетесь отправить?

— Двадцать пять. Этого хватит для разведки.

— И что они будут делать, если встретят изменённого зверя?

— Уничтожат его или отступят.

— А если встретят двух?

Советник замялся.

— Тогда отступят.

— А если существо будет двигаться быстрее лошади? Если оно окажется устойчивым к стрелам? Если оно сумеет скрыться в лесу, а затем нападёт на отряд сзади? Если оно заразит одного из бойцов и тот начнёт меняться уже после возвращения?

— Мы можем снабдить их защитными амулетами.

— Какими именно? — спросил командующий. — Теми, которые обнаруживают скверну? В письме сказано, что ракшаас не определяются обычными нефритовыми талисманами. Или вы хотите проверить это на своих людях?

Молодой советник побледнел, но попытался сохранить уверенность.

— Мы могли бы отправить более крупный отряд.

— Сколько человек? Сто? Пятьсот? Тысячу? И кто будет ими командовать? Как вы собираетесь снабжать их в заражённой области? Как будете передавать сообщения? Как отличите следы ракшаас от следов других существ? И что вы станете делать, если противник заметит отряд раньше, чем тот обнаружит его?

Ответов не последовало. Командующий некоторое время смотрел на советника, после чего отвернулся к государю.

— Ваше величество, если мы действительно хотим проверить сведения, следует начать с архивов и собственных пограничных сообщений. У нас достаточно случаев, которые до сих

пор не получили удовлетворительного объяснения. Если они связаны с действиями разумных существ, мы можем найти закономерности, не отправляя людей на верную смерть.

— Согласен. — Немного подумав, сказал правитель.

Молодой советник покраснел.

— Но разве мы не должны проявить решительность?

— Решительность, — ответил командующий, — не заключается в том, чтобы посылать людей туда, откуда они могут не вернуться, лишь ради удовлетворения собственного любопытства. Если вам хочется лично проверить существование ракшаас, я не стану вас удерживать. Я даже предоставлю вам лошадь и всё необходимое снаряжение. Но вы отправитесь не в ближайшую безопасную область, а туда, где туман скверны уже поглотил человеческие поселения. И пойдёте без отряда сопровождения, чтобы никто не погиб из-за вашей ошибки.

Советник открыл рот, но не произнёс ни слова. Его взгляд на мгновение метнулся к государю, словно он надеялся, что тот остановит командующего и признает предложение недопустимым. Однако правитель лишь наблюдал за происходящим.

— Я… не предлагаю подвергать себя неоправданной опасности. — Наконец выдавил из себя молодой человек.

— Именно это я и пытаюсь вам объяснить. — Спокойно ответил военачальник. — Опасность существует независимо от того, верите вы в неё или нет.

После этого желающих отправиться на восток с целью лично проверить сведения не нашлось. Даже самые убеждённые скептики предпочитали говорить о необходимости дальнейшего изучения вопроса. И это было вполне естественно. Люди могли сомневаться в рассказах о разумных существах, способных скрываться от наблюдателей и распространять скверну, но они прекрасно знали, что происходило с теми, кто недооценивал заражённую территорию. Им не требовалось верить в само существование ракшаас, чтобы бояться тумана.

Подобные совещания проходили в разных государствах, куда прибыли посланники из Империи Даюн. В одних столицах письма читали при закрытых дверях, а затем запирали в архивных комнатах, запрещая слугам обсуждать услышанное. В других правители немедленно собирали военных командиров, требуя выяснить, какие силы можно перебросить к границе и сколько времени потребуется для усиления застав. Где-то первым делом вспоминали о торговых караванах, проходивших через восточные области, а где-то начинали проверять храмы, монастыри и заброшенные поселения, в которых за последние годы отмечались странные болезни.

Однако во всех этих государствах происходило одно и то же. Стоило разговору коснуться возможности появления разумных существ, способных целенаправленно переносить скверну, как прежние объяснения начинали рассыпаться. Ведь прежде люди исходили из того, что заражённые существа принадлежат к самой скверне. Они появлялись там, где распространялся туман, или уходили от него, если заражённые земли расширялись. Некоторые могли долго скрываться в горах, другие проникали в леса, третьи добирались до человеческих поселений по рекам и оврагам. Даже самые странные случаи всё равно пытались объяснить особенностями самих существ. Теперь же появлялась возможность, что по человеческим землям ходили те, кто понимал, что делает. Они могли выбирать места. Могли оставлять источники заражения там, где никто не ожидал опасности. Могли избегать крупных дорог и застав, наблюдать за поселениями, изучать устройство пограничных укреплений и исчезать прежде, чем люди успевали понять, что рядом находится враг. А если они действительно были разумны, то могли учиться на собственных ошибках.

Для военных это означало, что прежняя система обороны нуждается в пересмотре. Для чиновников — что старые отчёты могли содержать сведения, которые никто не сумел правильно истолковать. Для правителей — что опасность, которую они считали далёкой и почти неуправляемой, возможно, уже давно проникала в их собственные владения. И всё это застав-

ляло задавать один неприятный вопрос. Если ракшаас умели переносить скверну, то сколько заражённых участков возникло не случайно? Наиболее тяжёлые последствия известие вызвало в царстве Тхэрин, чьи восточные провинции находились значительно дальше от земель, захваченных туманом. Там скверна считалась почти легендарным бедствием. Большинство жителей никогда не видели заражённых существ, а многие чиновники воспринимали рассказы о них как преувеличения, возникшие из-за страха и суеверий. Даже те, кто признавал существование подобных тварей, полагали, что опасность связана прежде всего с местностью, где они обитали. Но в Тхэрине имелся один случай, который не удавалось объяснить уже много лет. Двенадцать лет назад в окрестностях крупного монастыря, расположенного в трёх днях пути от ближайшей горной заставы, внезапно заболели монахи. Сначала недуг напоминал обычную лихорадку. Затем у заболевших начали темнеть ногти, кожа покрылась мелкими чёрными пятнами, а дыхание приобрело резкий, неприятный запах. Через несколько дней один из больных умер, и его тело пришлось сжечь, поскольку после смерти на коже начали появляться странные наросты.

Потом исчезли трое послушников. Когда монастырь обыскали, в подвале нашли остатки странного гнезда, состоявшего из сухих веток, костей и сероватой ткани неизвестного происхождения. Рядом лежали останки мелких животных, у которых были обнаружены дополнительные суставы и изменённые внутренние органы. Монастырь закрыли. А потом даже сожгли. Его библиотеку перевезли в столицу, а несколько окрестных деревень временно эвакуировали. Спустя полгода заражение удалось прекратить, однако никто не смог определить его источник. Не было обнаружено ни следов крупных заражённых зверей, ни признаков того, что скверна могла проникнуть туда естественным путём. Официальный отчёт завершался выводом, что причиной происшествия, вероятнее всего, стало неизвестное природное явление.

Именно этот документ спустя двенадцать лет достали из архивов по приказу государя. Когда его прочитали на чрезвычайном заседании, главный архивариус несколько раз провёл пальцами по краю страницы.

— Здесь указано, что за три недели до первых случаев болезни монастырь посетил неизвестный путник. — Сказал он. — Он представился торговцем лекарственными кореньями. Оставался на территории два дня, затем покинул монастырь и направился на восток.

— Его задержали? — спросил правитель.

— Нет. В то время не было причин его задерживать.

— Кто-нибудь проверял его вещи?

— Нет, ваше величество.

— А его внешность?

Архивариус посмотрел в записи.

— Свидетели описывали его как высокого мужчину с необычной осанкой. Лицо было закрыто капюшоном. Один из монахов утверждал, что у него были странные глаза, но не смог объяснить, чем именно они отличались. В другом показании говорится, что у путника были длинные пальцы и очень бледная кожа.

— Почему это не вызвало подозрений?

— Потому что в отчёте указано, что он не проявлял враждебности и не нарушал правил монастыря.

Правитель откинулся на спинку кресла.

— А что стало с ним потом?

— Неизвестно. Он не проходил через главные заставы, а дальнейших свидетельств о его перемещении нет.

— Значит, он мог просто исчезнуть.

— Да, ваше величество.

Военный советник, до этого внимательно слушавший разговор, нахмурился.

— Если это был ракшаас, то он мог оставить источник скверны в монастыре. А когда заражение началось, просто ушёл.

— Это только предположение... — напомнил главный лекарь.

— Разумеется. Но оно объясняет то, чего мы не могли объяснить двенадцать лет.

— А если таких случаев было больше? — тихо спросил один из министров.

Никто не ответил. Вместо этого правитель приказал поднять все отчёты о внезапных вспышках скверны, включая те, что происходили в монастырях, торговых дворах, караванных стоянках и небольших деревнях. Особое внимание следовало уделить местам, где заражение возникало без предварительных признаков, а также случаям, когда незадолго до происшествия там появлялись незнакомые путешественники. Приказ немедленно передали архивариусам и чиновникам провинций. Впервые за долгие годы старые дела, которые считались закрытыми, снова обрели значение. К вечеру в столицах нескольких государств начали появляться первые неофициальные слухи.

Вначале их распространяли слуги, заметившие, что правители неожиданно отменили обычные приёмы. Затем новости подхватили торговцы, которым сообщили о проверке караванных маршрутов и возможных ограничениях на перевозку некоторых товаров. Военные чиновники отправляли курьеров в пограничные провинции, архивариусы требовали из старых хранилищ документы, которые никто не открывал десятилетиями, а местные командиры получали приказы усилить наблюдение за заброшенными дорогами. Никто не мог удержать происходящее в полной тайне. Люди замечали движение, пытались понять его причины и делились предположениями. Вскоре по рынкам и чайным домам стали ходить рассказы о том, что в Даюн поймали необычного демона, похожего на человека со змеиной головой. Другие уверяли, будто имперцы нашли целый город таких существ. Третьи утверждали, что ракшаас уже проникли в несколько человеческих государств, а правители скрывают правду, чтобы избежать паники. В действительности никто не знал, сколько из этих слухов соответствовало действительности. Но чем меньше у людей имелось достоверных сведений, тем легче страх заполнял пустоты. Особенно тревожными оказались рассказы тех, кто прежде сталкивался со скверной. Они не всегда говорили о чудовищах. Иногда вспоминали погибших родственников, выжженные поля, закрытые дороги и деревни, которые пришлось покинуть после нескольких ночей странных звуков из леса. Люди рассказывали, как приходилось сжигать дома, в которых жили их предки, и как долго после этого земля оставалась непригодной для возделывания.

Они не знали, что такое эти самые ракшаас. Но они знали, что скверна способна отнять у человека всё, что он считает своим. Поэтому рассказы о разумных существах, которые могли намеренно приносить заражение в человеческие земли, вызывали страх куда более глубокий, чем обычные слухи о новых чудовищах. Зверь нападал, потому что был голоден или защищал свою территорию. Изменённое существо могло убивать из-за чуждой природы, которая заставляла его преследовать живых. Даже самые опасные из них не всегда представляли собой осмысленную угрозу для целого государства. Но тот, кто мог выбрать цель, спрятать источник заражения и уйти незамеченным, действовал иначе. Он мог знать, что делает. Мог понимать, что оставляет после себя. И мог рассчитывать на то, что люди обнаружат опасность слишком поздно. На третью неделю после отправки первых гонцов в Даюн начали поступать ответы.

Одни государства выражали готовность обмениваться сведениями о скверне и направлять специалистов для совместных исследований. Другие ограничивались осторожными формулировками, обещая изучить представленные материалы и сообщить о результатах. Несколько правителей просили прислать дополнительные сведения о ракшаас, их внешности, оружии и способах обнаружения. Открыто отказываться от сотрудничества никто не спешил. Даже те, кто продолжал подозревать Императора Даюн в политической игре, понимали, что подобный отказ может выглядеть опасным не только для отношений между государствами, но и для собственной безопасности. Если угроза существовала, им требовались сведения. Если

же Даюн пыталась использовать её в дипломатических целях, то тем более следовало знать, какие именно сведения она скрывает.

Послы, вернувшиеся к себе, докладывали о настроениях в столицах. Одни рассказывали, что правители сразу же приказали поднять архивы и проверить старые происшествия. Другие сообщали, что местные военные командиры опасаются не столько открытого вторжения, сколько возможности незаметного проникновения небольших групп противника. В нескольких государствах уже обсуждали, как изменить систему охраны дорог и застав, чтобы не полагаться исключительно на нефритовые талисманы.

Особенно важным стало то, что почти все государства имели собственные, пусть и немногочисленные, случаи появления скверны вдали от восточной границы. Раньше эти происшествия воспринимались как неприятные исключения. Теперь они могли оказаться частями одной картины. И чем больше документов поднимали из архивов, тем труднее становилось считать происходящее случайностью. В некоторых старых записях упоминались странные незнакомцы, появлявшиеся перед заражением. В других — предметы, которые находили в центре поражённых участков. Иногда это были кости, иногда небольшие каменные сосуды, иногда странные деревянные конструкции, покрытые резьбой. Не все такие предметы действительно имели отношение к скверне, и многие отчёты были слишком расплывчатыми, чтобы делать определённые выводы. Но теперь даже сомнительные записи требовали проверки. И это постепенно меняло представление правителей о собственных границах.

Раньше они считали, что главная опасность находится на востоке, в землях, где туман поглотил города и крепости. Теперь же приходилось допускать, что расстояние само по себе не обеспечивает безопасности. Ракшаас не требовалось вести войско через горы. Не нужно было разрушать крепости, осаждать города или пробиваться через заставы. Если его предположительная способность распространять скверну подтверждалась, он мог прийти один, оставить источник заражения и уйти. Всё остальное делала сама скверна. Она могла распространяться незаметно, поражать животных, изменять растения, заражать воду и почву. Если источник оставался активным достаточно долго, вокруг него возникал новый очаг, который со временем мог превратиться в опасную область. Люди замечали бедствие уже тогда, когда оно становилось достаточно сильным, чтобы угрожать поселениям. Возможно, именно так объяснялись некоторые случаи, которые прежде казались необъяснимыми. Возможно, нет. Но теперь ни один разумный правитель не мог позволить себе просто закрыть глаза на эту возможность.

…….

Тем временем в столице Империи Даюн работа продолжалась без остановки. В военном ведомстве составляли перечни крепостей, которые требовали усиления. В архивных помещениях разбирали старые карты и отчёты, а чиновники, прежде занимавшиеся исключительно снабжением и распределением налогов, теперь пытались понять, сколько средств потребуется для укрепления восточной границы. Император получал доклады от послов, однако не спешил раскрывать им все сведения. Он понимал, что государства будут действовать по-разному. Одни действительно захотят помочь. Другие попытаются получить доступ к новым способам защиты от скверны. Третьи начнут искать собственные источники информации, а некоторые могут решить, что появление нового противника создаёт возможность для усиления влияния. Ни одному из них нельзя было полностью доверять. Но и отказываться от сотрудничества было опасно. Империя Даюн не могла бесконечно нести основную тяжесть борьбы со скверной в одиночку, особенно если противник действительно обладал разумом, умел действовать небольшими группами и мог проникать в человеческие земли незамеченным. Для защиты границы требовались люди, продовольствие, металл, древесина, транспорт, средства обнаружения и постоянный обмен сведениями. Всё это стоило огромных денег, а государственные запасы не были бесконечными. Теперь, по крайней мере, соседние правители начинали понимать, почему Империя требовала укрепить восточные рубежи.

Однако вместе с пониманием приходил и страх. Потому что, если ракшаас действительно существовали, никто не мог сказать, сколько их было, как давно они действовали и какие цели преследовали. Неизвестно было даже то, представляли ли они единое государство или несколько разрозненных групп, объединённых общей природой и способностью распространять скверну. Император Даюн располагал телом одного из них, его оружием и снаряжением. Но даже этого оказалось недостаточно, чтобы получить ответы на самые важные вопросы.

А где-то далеко от столиц, среди гор и лесов, продолжали существовать заражённые земли, куда человеческие дозоры входили лишь по необходимости и откуда редко возвращались с полными сведениями. Именно там находился источник опасности, который теперь пытались понять десятки чиновников и военачальников. Но пока государства обменивались письмами, строили предположения и поднимали старые архивы, в пограничных областях уже происходило нечто гораздо более простое и куда более опасное. Там, где люди привыкли считать туман единственным врагом, теперь следовало искать тех, кто мог прийти из него. И если хотя бы часть старых отчётов указывала на правду, то некоторые из этих существ уже давно научились делать это лучше, чем люди умели их обнаруживать…

Посольства перед бурей

Решение об отправке чрезвычайных посольств в Империю Даюн далось соседним государствам далеко не сразу. В первые дни после получения императорского послания большинство правителей предпочитало выждать. Они созывали советы, поднимали архивы, требовали от военных командиров объяснений и отправляли собственных людей в провинции, где когда-либо появлялись изменённые существа. При этом почти никто не желал первым объявлять, что происходящее представляет собой угрозу государственного масштаба. Подобное признание означало не только необходимость тратить огромные средства на оборону, но и готовность объяснять подданным, почему власть, которая годами обещала безопасность, внезапно оказалась не в состоянии гарантировать её даже в отдалённых деревнях. Кроме того, оставался вопрос, который вслух задавали далеко не все, но о котором думали практически в каждом дворце. Что, если Империя Даюн намеренно преувеличивает опасность? В конце концов, именно Даюн располагала самой протяжённой границей с землями, захваченными скверной. Именно её крепости десятилетиями принимали на себя первые удары изменённых существ. Именно её военные командиры обладали наиболее подробными сведениями о заражённых территориях, а императорская казна ежегодно расходовала немалые суммы на содержание гарнизонов, строительство укреплений и снабжение пограничных отрядов.

Теперь же Империя сообщала о том, что столкнулась с совершенно новым противником — разумными существами, способными целенаправленно распространять скверну, проникать на человеческие территории и оставаться незамеченными для привычных средств обнаружения. Если это было правдой, соседним государствам следовало немедленно пересмотреть всю систему безопасности. Но если Империя Даюн использовала страх перед неизвестным врагом, чтобы объединить соседей под своим руководством, последствия могли оказаться не менее серьёзными. Под предлогом совместной борьбы имперские чиновники получили бы возможность требовать военной помощи, добиваться доступа к чужим пограничным укреплениям, влиять на решения соседних правителей и постепенно превращать временное сотрудничество в постоянную зависимость от имперской политики. Никто не хотел оказаться в положении человека, который собственными руками открыл ворота, а затем обнаружил, что они запираются снаружи.

Поэтому каждое государство старалось действовать осторожно, не торопясь принимать обязательства и одновременно пытаясь понять, насколько далеко зашёл кризис. Однако, чем дольше продолжались обсуждения, тем меньше оставалось желающих просто ждать. Слишком много старых происшествий вдруг обрело новое объяснение. Слишком часто в отчётах встречались странные обстоятельства, которым прежде не придавали значения. И слишком неприятной выглядела возможность того, что неизвестный противник уже давно действовал на территориях, считавшихся безопасными. Постепенно даже самые осторожные правители пришли к одному выводу. Прежде чем решать, следует ли вмешиваться в происходящее, необходимо выяснить, что именно происходит. И для этого требовались люди, способные увидеть всё собственными глазами.

Не обычные торговые посланники, которым поручали обсуждать пошлины и условия прохода караванов, а чрезвычайные дипломатические миссии, наделённые достаточно широкими полномочиями, чтобы разговаривать с высшими чиновниками Империи Даюн, задавать неудобные вопросы, изучать представленные свидетельства и возвращаться домой с подробными докладами. Разумеется, никто не собирался называть их шпионами. Хотя в каждом дворце прекрасно понимали, что без разведки подобная миссия окажется почти бесполезной.

Первым к окончательному решению пришёл правитель горного царства Ханмён. После нескольких дней совещаний он вызвал к себе министра внешних сношений, командующего

армией и начальника службы тайных донесений. В отличие от предыдущего заседания, на этот раз он не позволил приглашённым сановникам занимать места по старшинству. Министр иностранных дел получил кресло напротив трона, командующий расположился справа, а начальник тайной службы остался стоять возле стола, на котором лежали карты приграничных областей.

— Мы достаточно долго обсуждаем, следует ли верить сообщению из Империи Даюн… — начал государь. — За это время мы успели поднять несколько десятков архивных документов, проверить сведения о старых заражениях и получить первые ответы из провинций. Что мы знаем?

Министр внешних сношений раскрыл подготовленный свиток.

— Мы знаем, что Империя Даюн действительно обнаружила неизвестное разумное существо. Мы не можем самостоятельно подтвердить его принадлежность к народу, который они называют ракшаас, однако описание тела, снаряжения и оружия достаточно подробно. Кроме того, имперцы заявляют, что располагают останками этого существа.

— Это всё?

— Нет, ваше величество. Мы также обнаружили несколько старых сообщений о внезапных вспышках скверны в районах, которые не соприкасались с заражёнными землями. По крайней мере в трёх случаях незадолго до появления заражения там замечали неизвестных путников. В двух случаях после прекращения заражения находили необычные предметы, которые не удалось идентифицировать.

— И прежде никто не связал эти события между собой?

— Нет. В прежних отчётах их рассматривали отдельно.

Государь перевёл взгляд на начальника тайной службы.

— Ваше мнение?

Тот некоторое время молчал, словно выбирал между ответом, который понравится правителю, и ответом, который действительно считал верным.

— Я полагаю, что мы не должны принимать все утверждения представителей Империи Даюн за чистую монету. Империя заинтересована в укреплении своего влияния, и нынешние обстоятельства предоставляют ей для этого удобный случай. Однако это не означает, что сама угроза выдумана. Более того, если ракшаас и существуют, а сведения о переносимых ими источниках скверны хотя бы частично верны, то они могут представлять опасность для нашего государства независимо от намерений Императора Даюн.

— Следовательно?

— Следовательно, нам нужно выяснить, что именно известно имперцам, чего они опасаются и насколько далеко зашли их исследования. А также установить, что они намерены предпринять дальше.

— И для этого вы предлагаете отправить посольство?

— Да, ваше величество. Но не такое, которое будет ограничиваться официальными приёмами. Нам нужны люди, способные вести переговоры, изучать военные документы в пределах разрешённого доступа, беседовать с пограничными командирами и выяснять, как именно имперцы обнаруживают скверну и защищаются от неё. Если они действительно нашли способ создавать эффективные средства против скверны, нам необходимо хотя бы понять, возможно ли получить их для собственной армии.

Командующий армией, до сих пор хранивший молчание, подался вперёд.

— Я бы добавил ещё одно условие. Посольство должно попытаться получить сведения о том, как ракшаас именно действуют на заражённой территории. Не только о том, как они выглядят и чем вооружены, но и о том, как передвигаются, каким образом избегают обнаружения и есть ли у них постоянные маршруты.

— Вы хотите, чтобы дипломаты занимались разведкой? — спросил министр внешних сношений.

— Я хочу, чтобы они не возвращались с докладом, в котором будет сказано лишь, что имперский двор произвёл благоприятное впечатление.

Министр поморщился.

— Если мы слишком явно продемонстрируем интерес к военным секретам Империи Даюн, нас могут просто не допустить к нужным сведениям.

— Тогда придётся искать другие способы.

— Осторожнее… — негромко произнёс государь.

И от одного тона его голоса оба чиновника замолчали. Правитель некоторое время рассматривал карту. На ней восточные области Даюн были заштрихованы тёмными линиями, обозначавшими территории, где постоянное присутствие людей стало невозможным. Некоторые участки оставались почти неизвестными даже картографам. Сведения о них поступали от редких разведывательных отрядов, случайных беглецов и тех немногих путешественников, которым удавалось вернуться живыми.

— Мы не отправим войска в распоряжение Империи Даюн. — Наконец сказал он. — По крайней мере, не сейчас. Мы не станем обещать им серебро, людей или право распоряжаться нашими крепостями. Но мы направим чрезвычайное посольство с полномочиями вести переговоры о сотрудничестве, изучать предоставленные материалы и устанавливать контакты с теми, кто действительно знает, что происходит на востоке.

Он поднял глаза.

— И ещё. Мне не нужно, чтобы посольство искало повод для войны. Если выяснится, что ракшаас действительно представляют опасность, мы должны понять, как защитить наши земли. Если же окажется, что между ними и людьми возможны переговоры, мы обязаны узнать об этом прежде, чем начнём тратить жизни и средства.

Командующий слегка нахмурился, но возражать не стал.

— Разумеется, если переговоры вообще возможны. — Добавил государь. — Мы не знаем, чего хотят эти существа. Пока у нас нет оснований считать их ни безусловными врагами, ни возможными союзниками.

Решение было принято. Посольство должно было состоять из опытного дипломата, двух военных наблюдателей, лекаря, знакомого с воздействием скверны, архивариуса и нескольких сопровождающих. Вместе с ними отправлялись секретари, переводчики и охрана, численность которой ограничили, чтобы миссия не выглядела военным отрядом. В отдельном распоряжении государь указал, что руководитель посольства обязан возвращаться к нему с докладами даже в том случае, если переговоры затянутся. Если же в Даюн обнаружатся обстоятельства, представляющие непосредственную угрозу Ханмёну, посольство должно сообщить об этом без промедления. Когда чиновники покинули зал, правитель задержал начальника тайной службы.

— Вы действительно считаете, что ракшаас могут согласиться на переговоры?

— Я считаю, что мы не знаем о них достаточно, чтобы отвечать на этот вопрос.

— А если они не станут разговаривать?

— Тогда мы хотя бы поймём, что рассчитывать на соглашение нельзя.

Государь медленно кивнул.

— Хорошо. Только постарайтесь, чтобы наши люди не приняли вежливость за безопасность.

В Сориме решение принималось гораздо труднее. Там заседания продолжались до глубокой ночи, и каждый новый доклад лишь добавлял поводов для споров. Торговые гильдии опасались, что известие о возможном проникновении ракшаас вызовет панику и приведёт к остановке караванов. Владельцы складов требовали не допускать распространения слухов о том, что скверна может возникать вдали от заражённых скверной земель. Военные настаивали на

необходимости усилить охрану дорог, а чиновники провинций просили дополнительные средства на проверку подозрительных участков. При этом никто не хотел оплачивать все эти меры.

Каждый участник совета соглашался, что безопасность государства важна, но когда речь заходила о конкретных расходах, начинались привычные препирательства. Министр финансов указывал на недостаток средств. Командующий армией отвечал, что без дополнительного финансирования не сможет выполнить приказ. Представители торговых гильдий заявляли, что новые пошлины разорят купцов. Провинциальные чиновники уверяли, что уже несут чрезмерное бремя расходов на содержание гарнизонов.

Правитель слушал их всё более мрачно.

— Вы говорите так, будто опасность исчезнет, если мы сумеем доказать, что её устранение слишком дорого обходится казне. — Произнёс он наконец.

Никто не ответил.

— Мы должны решить, что нам нужно знать. А потом решить, как получить эти сведения. Если для этого придётся потратить серебро, значит, потратим. Но я не собираюсь отдавать военным неограниченные средства только потому, что они испугались письма из Империи Даюн.

Командующий армией склонил голову.

— Я и не прошу неограниченных средств, ваше величество. Я прошу не заставлять меня выбирать между охраной основных дорог и защитой деревень, которые раньше считались безопасными.

— Именно поэтому мы отправим посольство. — Вмешался канцлер. — Оно должно выяснить, насколько серьёзна угроза и какие действия предпринимает Даюн. Мы не можем принимать решения на основании слухов.

— А если имперцы не допустят наших людей к важным сведениям? — спросил один из министров.

— Тогда это тоже будет сведением. — Тут же ответил канцлер. — Мы узнаем, что они не готовы делиться информацией, и будем действовать соответственно.

— А если они потребуют от нас военной помощи?

— Мы не обязаны соглашаться.

— А если предложат совместную операцию?

— Мы можем рассмотреть её условия.

— А если попытаются использовать наше посольство, чтобы втянуть нас в войну?

Канцлер устало посмотрел на спорщика.

— Именно для того мы и направляем посольство, чтобы выяснить, где заканчивается реальная опасность и начинаются политические интересы Даюн.

Государь поднял руку, прекращая разговор.

— Отправим миссию. Её возглавит человек, который понимает цену договорённостей и умеет отличать полезное предложение от попытки навязать чужую волю. Кроме того, в состав войдут военные наблюдатели и лекарь. Я хочу получить подробное описание тела ракшаас, его оружия и защитного снаряжения, если имперцы разрешат осмотр. Мы должны выяснить, чем эти существа отличаются от известных нам изменённых тварей.

Он помолчал.

— Но есть и другой вопрос. Если ракшаас действительно способны переносить скверну, можем ли мы использовать эту особенность для переговоров?

Командующий резко повернул голову.

— Ваше величество, вы имеете в виду договориться с ними?

— Я имею в виду узнать, существует ли такая возможность. Если противник разумен, значит, у него могут быть цели, требования и причины действовать определённым образом.

Возможно, они считают людей врагами. Возможно, стремятся захватить новые земли. Возможно, хотят чего-то другого. Мы не можем знать этого заранее.

— А если они используют переговоры, чтобы проникнуть в наши земли? — спросил командующий.

— Тогда мы не станем принимать их послов без необходимых мер предосторожности. Но если мы заранее объявим их существами, с которыми невозможно говорить, то сами лишим себя одного из немногих способов узнать их намерения.

Некоторое время военачальник молчал.

— Я согласен, что их цели необходимо выяснить. Но не уверен, что разговор с ними будет безопаснее, чем война.

— Я тоже не уверен. — Ответил правитель. — Именно поэтому я и хочу получить сведения прежде, чем принимать решение.

В итоге Сорим также распорядился направить чрезвычайную миссию в Даюн. При этом её руководителю поручили не только оценить угрозу, но и выяснить, какие возможности может предоставить сотрудничество с империей. Если Империя Даюн действительно обладала новыми средствами борьбы со скверной, Сорим хотел получить к ним доступ. Если же имперцы испытывали нехватку продовольствия, металла или иных ресурсов, торговые гильдии рассчитывали предложить поставки на выгодных условиях. Даже возможная война не отменяла привычного стремления к прибыли. Напротив, в некоторых кругах уже начинали говорить, что крупный конфликт способен открыть невиданные возможности для торговли. Вопрос заключался лишь в том, кто сумеет извлечь выгоду и не окажется среди первых жертв.

Но не все государства рассматривали происходящее исключительно как военную или дипломатическую проблему. В одном из небольших княжеств, расположенных далеко к югу от основных торговых путей, правитель впервые услышал о ракшаас не из письма, прибывшем из Империи Даюн, а от собственного советника, вернувшегося из отдалённой провинции.

Советник был человеком осторожным и обычно не придавал большого значения религиозным слухам. Он знал, что в бедные времена появляются пророки, обещающие избавление от страданий, а в богатые — проповедники, требующие отказаться от роскоши ради спасения души. Большинство таких людей исчезало так же быстро, как появлялось, оставляя после себя лишь пустые обещания и несколько разорённых семей.

Но на этот раз обстоятельства выглядели иначе. В течение последних месяцев в нескольких отдалённых районах княжества появились проповедники, которые говорили о скверне не как о болезни земли и не как о природном бедствии, а как о Божественном наказании.

Они приходили на рынки, собирались у храмовых ворот, обращались к крестьянам на полях и иногда останавливались в бедных деревнях, где люди уже потеряли близких из-за заражённых существ. Их одежда была простой, речи — спокойными, а обещания — удивительно привлекательными для тех, кто устал жить в страхе. Они утверждали, что боги разгневались на человечество. Не на отдельного человека, не на один народ и даже не на конкретного правителя, а на людей вообще. Они говорили, что жадность, гордыня, ложь и бесчисленные нарушения древних запретов привели к тому, что божественные силы отвернулись от мира. Туман скверны, по их словам, был не случайной напастью, а Божественной карой, предназначенной для очищения земли от тех, кто оказался недостоин жить. На первый взгляд, в подобных словах не было ничего необычного. Религиозные учения нередко объясняли бедствия гневом Богов, а проповедники веками убеждали людей, что страдания могут стать испытанием, наказанием или путём к спасению.

Однако эти люди шли дальше. Они заявляли, что сопротивляться скверне — значит противиться воле Богов. Не все сразу понимали смысл этого утверждения. Некоторые думали, что речь идёт о необходимости смиренно переносить несчастья и не обвинять небеса в несправедливости. Но затем проповедники начинали объяснять, что Божественная кара должна испол-

нить своё предназначение, а значит, верующие не просто не обязаны мешать её распространению, но должны помогать ей настигать тех, кто продолжает жить во грехе. По их словам, тот, кто примет кару всем сердцем, кто откажется от прежних заблуждений и поможет Божественным силам очищать мир, не только избежит наказания, но и получит особую награду. Его тело и душа изменятся. Он перестанет быть обычным человеком и поднимется на новую ступень существования, приблизившись к святости. Самые преданные, утверждали проповедники, смогут стать избранными, чья жизнь будет длиться дольше человеческой, чьи тела окажутся крепче стали, а чьи способности превзойдут возможности обычных смертных.

Разумеется, никто из них не мог продемонстрировать подобные изменения на глазах у толпы. Когда их спрашивали, почему они сами ещё не стали святыми, они отвечали, что истинное преображение требует полной преданности и готовности отказаться от прежней природы. Когда же кто-нибудь указывал на то, что скверна убивает невиновных, губит детей и уничтожает целые деревни, проповедники отвечали, что человеческий разум не способен постичь замысел Богов. А затем задавали вопрос, который заставлял многих слушателей замолчать:

Если кара действительно исходит от высших сил, то кто дал людям право решать, кого она должна пощадить?

Эти слова особенно сильно действовали на тех, кто уже пережил несчастье. Человеку, потерявшему дом и семью, трудно было принять мысль, что его страдания не имеют никакого смысла. Гораздо легче было бы поверить в том, что подобное бедствие является частью чьего-то Великого замысла и что даже в ужасе можно найти путь к спасению.

Некоторые слушали проповедников из любопытства. Другие приходили в надежде получить утешение. Третьи искали оправдание собственной ненависти к соседям, чиновникам или правителям, которых считали виновными в своих несчастьях. И находились те, кто начинал верить по-настоящему. Они приносили проповедникам еду, предоставляли ночлег, помогали собирать последователей и повторяли их слова на рынках. Некоторые утверждали, что скверна не причиняет вреда тем, кто принимает её волю, хотя никаких доказательств этому не существовало. Другие рассказывали, будто видели людей, которые уходили за пределы заражённых земель и возвращались невредимыми. Проверить эти истории было невозможно. Но слухи распространялись. И когда советник сообщил о них правителю, тот сперва решил, что речь идёт о небольшом религиозном движении, которое не заслуживает особого внимания.

— У нас всегда находились люди, готовые поклоняться чему угодно… — сказал он. — Если они не призывают к мятежу и не собирают вооружённые отряды, пусть местные чиновники наблюдают за ними.

— Ваше Величество, они не просто проповедуют смирение, — возразил советник. — Они призывают людей помогать скверне распространяться.

— Каким образом?

— Пока неизвестно. По одним сообщениям, они пытаются убедить крестьян, которые подверглись заражению, покидать заражённые скверной земли и переселяться в другие области, якобы чтобы принести туда очищение. По другим — собирают небольшие группы и отправляют их к старым руинам, где прежде находили изменённых существ.

Правитель нахмурился.

— Вы хотите сказать, что они намеренно направляются туда, где могут погибнуть?

— Некоторые, вероятно, именно этого и хотят. Другие же могут рассчитывать на то, что вернутся с какой-то наградой. Мы не знаем, что именно им обещали.

— А вы полагаете, что они как-то могут быть связаны с ракшаас?

Советник не торопился отвечать.

— Прямых доказательств нет. Но если ракшаас действительно умеют переносить источники скверны, то подобные проповедники могут оказаться для них весьма полезными. Им

даже не обязательно знать, кто именно стоит за происходящим. Достаточно верить, что они исполняют волю богов.

Правитель некоторое время смотрел на него, затем велел принести письма из Империи Даюн. Затем перечитал сведения о ракшаас, остановился на описании специально подготовленного источника заражения и медленно отложил документ.

— Если это правда, — произнёс он, — то нам угрожают не только существа, которые приходят из заражённых земель. Нам могут угрожать и наши собственные люди, если кто-то сумеет убедить их, что распространение скверны является священным долгом.

Советник склонил голову.

— Именно этого я и опасаюсь.

Князь не был склонен видеть заговор за каждым необычным событием, но теперь ему пришлось признать, что проблема выходит далеко за пределы обычных религиозных споров. Если проповедники действительно призывали помогать скверне, то их действия следовало как следует изучить. Если же они являлись частью более широкой сети, связанной с ракшаас, то любое промедление могло оказаться опасным даже для целого государства. При этом открытые репрессии были бы не менее рискованными. Так как стоило только властям объявить всех последователей нового учения преступниками, как они могли превратить небольшую группу в движение мучеников. В отдалённых областях, где люди годами чувствовали себя забытыми столицей, подобные решения лишь усилили бы недоверие к правителям. И всё только потому, что эти самые проповедники получили бы возможность заявлять, что власти боятся истины и пытаются скрыть от народа истинную Волю Богов.

Но и позволять им беспрепятственно распространять подобные идеи было нельзя. Князь приказал собирать сведения о проповедниках, устанавливать их имена, происхождение и маршруты перемещения. Местным чиновникам предписывалось наблюдать за их действиями, не провоцируя столкновений без необходимости. Особое внимание следовало уделить тем, кто пытался получить доступ к заражённым участкам, интересовался останками изменённых существ или предлагал людям переносить странные предметы из одной местности в другую. Кроме того, князь распорядился проверить, не совпадают ли места появления проповедников с теми районами, где прежде происходили необъяснимые вспышки скверны. И одновременно он принял решение направить собственное посольство в Империи Даюн. В инструкциях руководителю миссии появился новый раздел, которого не было в распоряжениях других государств.

Помимо сведений о ракшаас, военных возможностях Империи Даюн и способах защиты от скверны, посольство должно было выяснить, известно ли имперцам о подобных религиозных движениях. Если известно, то насколько давно. И есть ли основания считать, что кто-то намеренно использует человеческую веру для распространения заражения.

Сейчас князь не хотел делать поспешных выводов. Но сама возможность того, что неизвестный противник мог воздействовать не только на землю и живых существ, но и на человеческие убеждения, казалась ему особенно опасной. Армии можно было встретить армией. Укрепления можно было усилить. Торговые пути — перекрыть, а подозрительные предметы — изъять и уничтожить. Но как остановить человека, который искренне верит, что собственными руками исполняет Волю Богов? Как убедить его отказаться от действий, которые он считает священным долгом? И как отличить такого фанатика от того, кто сознательно притворяется верующим ради собственной выгоды? Ответов не было.

К концу недели решение об отправке чрезвычайных посольств приняли почти все государства, получившие сообщение из Империи Даюн. Разумеется, не все соглашались с необходимостью совместных действий. Некоторые правители считали, что достаточно направить небольшую дипломатическую миссию и дождаться её возвращения. Другие настаивали на присутствии военных наблюдателей. Третьи требовали включить в состав посольств лекарей и специалистов по скверне, поскольку не доверяли одним лишь рассказам имперских чиновни-

ков. Но общее направление стало очевидным. Люди больше не хотели ограничиваться слухами. В столицах готовили письма, выбирали руководителей миссий, составляли списки вопросов и собирали подарки для императорского двора. Для одних посольств предназначались дорогие ткани, изделия из нефрита и редкие лекарственные вещества. Другие везли книги, карты, образцы минералов и отчёты о прежних заражениях. Некоторые государства отправляли несколько независимых групп, надеясь получить сведения не только через официальные переговоры, но и от людей, которые будут общаться с чиновниками, военными и торговцами за пределами дворца.

У каждой миссии имелась собственная задача. Официально все они направлялись в Империю Даюн ради выяснения обстоятельств, связанных с обнаружением присутствия ракшаас, и ради поиска способов совместной защиты от скверны. Неофициально же их руководители получали куда более сложные инструкции. Нужно было как можно быстрее выяснить, насколько серьёзно Империя оценивает подобную угрозу… Сколько сил уже сосредоточено на востоке… Какие крепости укрепляются… Какие дороги закрываются… Как изменились поставки оружия и продовольствия… А главное, насколько правдивы все эти сведения о том, что ракшаас не обнаруживаются обычными нефритовыми талисманами. И самое главное — что именно Империя Даюн собирается делать дальше. Если Империя готовилась к большой войне, то и её соседям следовало бы знать об этом заранее. Если она искала союзников, можно было попытаться получить выгодные условия. Если же существовала возможность договориться с самими ракшаас, то некоторые правители хотели бы узнать об этом прежде, чем окончательно связывать себя обязательствами перед Империей Даюн.

Ведь война действительно губила людей, разрушала города и опустошала казны. Но она же открывала возможности, которых в мирное время приходилось ждать десятилетиями. Военачальник, который прежде командовал лишь небольшим гарнизоном, мог получить целую армию. Чиновник, чьи заслуги оставались незамеченными, мог возвыситься благодаря успешной организации снабжения. Торговец, готовый доставлять железо, древесину и продовольствие туда, где они были нужнее всего, мог за несколько лет разбогатеть сильнее, чем за всю предыдущую жизнь. А если кто-то сумеет первым получить доступ к средствам защиты от скверны, его государство получит преимущество, которое невозможно было измерить одним лишь количеством серебра.

Именно поэтому среди тех, кто отправлялся в Даюн, были не только люди, желавшие предотвратить бедствие. Были и те, кто рассчитывал на собственную выгоду.

Одни надеялись убедить Императора поделиться новыми способами защиты. Другие хотели выяснить, насколько сильно Империя Даюн нуждается в союзниках. Третьи собирались искать контакты с людьми, которые могли знать больше, чем сообщалось в официальных письмах. А некоторые уже задумывались о том, нельзя ли использовать предстоящий конфликт для ослабления давних соперников.

Ни один из этих интересов не исчезал оттого, что на востоке существовала настоящая опасность. Люди оставались людьми. Даже перед лицом угрозы, способной уничтожить целые государства, они продолжали спорить о выгоде, влиянии и собственном положении.

…….

В столице Империи Даюн о подготовке посольств узнали почти одновременно из нескольких источников. Одни сведения поступили по официальным дипломатическим каналам. Другие принесли торговцы, прибывшие из соседних стран. Третьи передали разведчики, следившие за передвижением курьеров и изменениями в работе пограничных застав.

Император выслушал доклад министра внешних сношений, после чего попросил перечислить государства, подтвердившие отправку чрезвычайных миссий. Список оказался длиннее, чем ожидалось.

— Они действительно решили приехать? — спросил один из советников.

— Да, Ваше Величество. Большинство уже назначило руководителей посольств. Некоторые миссии находятся в пути. Другие ещё собирают сопровождающих и готовят документы.

— И чего они хотят?

Министр внешних сношений позволил себе осторожную улыбку.

— Узнать правду, Ваше Величество.

— Только правду?

— Разумеется, нет.

Несколько присутствующих негромко рассмеялись, но Император остался серьёзен.

— Они захотят увидеть тело ракшаас.

— Несомненно.

— Потребуют осмотреть оружие, доспехи и снаряжение.

— Вероятно.

— Спросят о защитных средствах, о способах обнаружения скверны, о наших планах укрепления границы. Некоторые попытаются выяснить, кто именно убил ракшаас и каким образом это удалось сделать.

Министр кивнул.

— Мы должны заранее решить, какие сведения можно предоставить, а какие следует оставить внутри империи. — Продолжил государь. — Я не собираюсь скрывать от них сам факт угрозы. Но это не означает, что мы обязаны передать им всё, что знаем.

— Особенно сведения об оружии против порождений скверны. — Заметил один из военных советников.

Император перевёл на него взгляд.

— Именно. Мы ещё не знаем, насколько легко воспроизвести подобные средства, и кто сумеет ими воспользоваться. Если мы передадим соседям неполные сведения, они могут попытаться изготовить собственные образцы и подвергнуть людей опасности. Если же передадим всё, то потеряем преимущество, которое может оказаться решающим в будущем.

— Но если мы откажем им в любой помощи, они могут решить, что наша Империя намерена использовать угрозу в собственных интересах. — Сказал министр.

— Поэтому мы предоставим достаточно сведений, чтобы они понимали серьёзность положения. Но не станем открывать все наши тайны лишь ради того, чтобы удовлетворить их любопытство.

Государь поднялся и подошёл к карте восточной границы.

— Они должны увидеть, что мы не пытаемся втянуть их в войну ради расширения собственных владений. Но они также должны понять, что скверна не остановится перед их границами только потому, что они предпочитают не вмешиваться.

Он провёл пальцем вдоль горного хребта, за которым начинались земли, отмеченные на карте как заражённые.

— Если ракшаас действительно умеют переносить источники скверны, то они могут действовать далеко за пределами этих областей. Мы не знаем, сколько таких источников уже было оставлено в человеческих землях. Не знаем, сколько из них уничтожено, а сколько продолжает существовать. И не знаем, действуют ли эти существа по единому плану.

Император повернулся к советникам.

— Поэтому посольства должны получить возможность говорить с нашими пограничными командирами и изучать те случаи, которые мы готовы раскрыть. Но никто из иностранных представителей не получит права свободно перемещаться по восточным крепостям и заражённым территориям. Если они захотят увидеть последствия скверны, мы покажем им безопасные участки и предоставим отчёты. Отправлять чужих людей туда, где они могут погибнуть или привлечь внимание противника, я не намерен.

— А если они потребуют большего?

— Тогда им придётся объяснить, зачем это необходимо.

Он помолчал, затем добавил:

— И ещё. Проверьте сведения о проповедниках, которые появляются в отдалённых областях и призывают людей помогать распространению скверны. Если подобные движения действительно существуют, мы должны понять, связаны ли они с ракшаас. Но не объявляйте всех их последователей врагами без расследования. Среди них могут быть люди, которых обманули, напугали или убедили в том, что они служат богам.

Министр внешних сношений нахмурился.

— Если эти проповедники действительно помогают скверне распространяться, разве это не делает их опасными?

— Делает. — Немного подумав, ответил молодой Император. — Но опасность человека и его вина — не одно и то же. Если кто-то сознательно переносит источник заражения, его следует остановить. Если же человек повторяет чужие слова, не понимая их последствий, нам нужно выяснить, кто и зачем внушил ему эти убеждения.

— Вы полагаете, что за этим может стоять единая организация?

— Я полагаю, что мы не должны исключать такую возможность.

В зале снова стало тихо. Сейчас Император прекрасно понимал, что посольства принесут с собой не только новые сведения, но и новые сложности. Соседи будут требовать доказательств, пытаться торговаться, задавать неудобные вопросы и искать способы получить выгоду. Некоторые могут даже попытаться установить собственные контакты с ракшаас, если решат, что такой шаг позволит им избежать войны или получить преимущество перед соперниками. Остановить подобные попытки одними запретами было бы невозможно. Оставалось лишь сделать так, чтобы соседние государства понимали цену возможной ошибки.

— Подготовьте помещения для иностранных миссий. — Распорядился Император. — Назначьте сопровождающих, которые знают обстановку на востоке, но умеют держать язык за зубами. Каждый посол должен получить возможность задать вопросы и увидеть то, что мы готовы показать. И не допускайте, чтобы их встречали так, словно они приехали просить милостыню.

— Будет исполнено, Ваше Величество.

— Они прибыли не потому, что любят Империю Даюн. Они прибыли потому, что боятся того, что происходит за нашей границей. И в этом они правы.

Когда первые посольства уже приближались к границам Империи, в отдалённых деревнях продолжали звучать речи новых проповедников. Они говорили о Каре Богов… о грехах человечества… и о великом преображении, которое якобы ожидало тех, кто примет скверну всем сердцем… Их слушали люди, потерявшие близких, крестьяне, лишившиеся урожая, беглецы из разорённых поселений и те, кто больше не верил, что обычная жизнь когда-нибудь вернётся.

Некоторые из этих людей действительно были напуганы до безумия. Другие искали смысл в страданиях. Третьи надеялись, что обещанное преображение даст им силу, которой прежде не было. И среди них могли находиться те, кто сознательно помогал неизвестному противнику. Пока в столицах составляли дипломатические инструкции, обсуждали военные расходы и решали, насколько далеко можно зайти в переговорах с Империей Даюн, кто-то продолжал убеждать людей, что скверна не является врагом. Что её распространение — священный долг. Что человеческое сопротивление лишь продлевает страдания. А тот, кто поможет каре богов исполнить своё предназначение, однажды получит награду, недоступную обычным смертным.

Возможно, эти проповедники были всего лишь фанатиками, возникшими на почве всеобщего страха. Возможно, за ними стояли люди, желавшие воспользоваться бедствием ради власти. А возможно, некоторые из них действительно имели отношение к тем, кого в Даюн

называли ракшаас. Пока никто не мог ответить на этот вопрос. Но теперь, когда чрезвычайные посольства направлялись в столицу Империи, у правителей появился шанс узнать хотя бы часть правды. Они хотели выяснить, насколько велик враг, какие возможности он имеет и можно ли избежать войны. Хотели понять, следует ли помогать Империи Даюн, ждать в стороне или попытаться найти собственный путь к соглашению. И каждый из них надеялся, что сумеет принять решение прежде, чем неизвестная опасность достигнет его собственных земель.

Однако никто из тех, кто готовил посольства, ещё не знал, что в самом сердце этой истории находился молодой чужак, живущий в полуразрушенной башне на краю заражённого леса. Человек, который не принадлежал ни к одной из местных держав, не стремился к власти и пока даже не представлял, насколько далеко разошлись последствия его действий.

Он убивал ракшаас, потому что они представляли непосредственную угрозу. Изготавливал защитные боеприпасы, потому что хотел сохранить себе жизнь. Забирал их снаряжение, потому что не желал упускать полезные вещи. И старался оставаться незаметным, поскольку понимал: чем меньше людей знают о его возможностях, тем проще ему выжить.

Но тело одного из убитых им существ уже лежало в столице Даюн. Его оружие изучали военные специалисты. Его появление заставило Императора созывать послов. Его гибель стала причиной того, что соседние государства начали пересматривать свои представления о безопасности.

А сам А-рэ пока не знал даже того, сколько людей теперь обсуждали его существование, пытаясь понять, кто он такой и насколько ценным может оказаться сотрудничество с ним.

И когда первые чрезвычайные посольства войдут в столицу Даюн, этот вопрос неизбежно прозвучит снова. Кто сумел убить ракшаас? Какими средствами он воспользовался? И почему Империя до сих пор не рассказала соседям всего, что ей известно? Ответы на эти вопросы могли изменить не только судьбу одного чужака, но и отношения между всеми государствами, которые теперь с тревогой смотрели на восток…

Когда туман приходит к стенам

Первым изменился лес. Никто из пограничников не смог бы сказать, в какой именно момент это произошло. Ещё на рассвете за внешним рвом, там, где дорога уходила между чёрными стволами и постепенно терялась в сизой дымке, всё выглядело привычно. Над кронами висел низкий туман, местами настолько густой, что дальние деревья казались не более чем смутными тенями. Ветер почти не ощущался, лишь изредка шевелил сухую траву у подножия скалы. На востоке, за пределами видимости, находились земли, которые люди давно перестали считать своими.

Служащие здесь не один год пограничники давно привыкли к этой картине. Они знали, что туман скверны не обязан двигаться подобно обычному туману, что за его неподвижной завесой могут скрываться существа, способные часами лежать в засаде, а иногда даже целые участки леса меняются так сильно, что прежние ориентиры перестают иметь смысл. Знали и то, что тишина в заражённых землях ничего не означает. Там, где обычный лес шумел бы от ветра, птиц и мелких зверей, могло не звучать ни единого голоса, а спустя мгновение из-под корней вырывалась тварь, способная перегрызть человеку ногу прежде, чем тот успеет поднять копьё. Но сегодня настораживало не отсутствие звуков. Сегодня лес словно пытался скрыть что-то, что двигалось за его пределами.

Сначала исчезли птицы… Обычно даже на подступах к заражённым землям находились создания, которые не боялись селиться вблизи тумана. Некоторые из них были вполне обычными, другие уже успели измениться, приобретя слишком длинные хвосты, лишние суставы или непривычную окраску. Они кружили над дорогой, сидели на обломанных ветвях и иногда спускались к крепостным стенам в поисках остатков пищи. Стражи не любили таких соседей, но давно перестали обращать на них внимание, если те не приближались слишком близко.

Теперь же даже эти существа исчезли. Ни одной птицы не было видно на ближайших деревьях. Не мелькали между корнями мелкие зверьки, не шуршали в траве ящерицы. Даже насекомые, обычно назойливо жужжавшие возле тёплых камней, словно куда-то пропали. И первым это заметил молодой страж по имени Пак Тэ Гон, стоявший на северо-восточном участке стены.

Он не сразу понял, что именно его беспокоит. Просто в какой-то момент взгляд, привычно скользивший по знакомому участку леса, зацепился за отсутствие привычного движения. Пак прищурился, посмотрел на ближайшие ветви, затем перевёл взгляд на дорогу, где среди камней и бурой травы обычно копошились мелкие твари.

Пусто.

Он провёл языком по пересохшим губам и снова посмотрел в сторону тумана.

— Эй, Чхве.

Стоявший неподалёку ветеран обернулся не сразу. Он проверял крепление кожаного ремня на своём щите и явно не собирался отвлекаться по пустякам.

— Что?

— Посмотри туда.

— Куда?

— На лес.

Ветеран раздражённо вздохнул, но всё же подошёл к зубцу стены. Положил предплечья на холодный камень и посмотрел туда, куда указывал молодой страж.

Несколько мгновений он молчал.

— Что-то заметил? — спросил Пак.

— Пока нет.

— Птиц нет.

— И что?

— Совсем нет.

Чхве хотел было ответить привычной насмешкой, но не стал. Он служил на границе достаточно долго, чтобы знать, что даже самые молодые стражи нередко замечают мелочи, на которые ветераны перестают обращать внимание. А иногда именно такая мелочь спасает целый отряд.

Поэтому он медленно выпрямился и оглянулся на караульное помещение.

— Позови начальника смены. И скажи лучникам, чтобы не отвлекались.

Пак быстро кивнул и направился к лестнице. Чхве остался у стены, продолжая смотреть на лес. Теперь он тоже чувствовал, что в привычной картине чего-то не хватает. Не было ни движения на верхушках деревьев, ни мелькания теней между стволами. Даже туман, обычно медленно перетекавший через низины, казался необычно плотным, словно за ночь его налили в лесное пространство и оставили там застывать.

Осознав это, опытный ветеран границы раздражённо сплюнул за стену.

— Только бы не сейчас… — пробормотал он.

Да. Сказанное им прозвучало почти бессмысленно. На границе бедствия никогда не приходили в удобное для кого-то время. И всё же в его голосе слышалась надежда, которую он сам бы не признал. Потому что в крепости ещё помнили предыдущие нападения. Помнили, сколько людей погибло, когда на дорогу вышел всего лишь… изменённый енот… Тот енот не был крупным по меркам обычных зверей. Если бы его увидели в другой местности, вдали от скверны, то, возможно, приняли бы за необычайно большого представителя своего вида. Длина тела не превышала длины небольшого охотничьего пса, а вытянутая морда и тёмные полосы на голове даже сохраняли некоторое сходство с привычным зверем.

Но его спина была покрыта хитиновыми пластинами, наложенными одна на другую, словно кто-то надел на животное доспех, выросший прямо из плоти. Пластины закрывали плечи, грудь и часть боков, оставляя между собой лишь узкие подвижные промежутки. На передних лапах отросли изогнутые когти, длинные и блестящие, а клыки выступали из пасти даже тогда, когда зверь держал её закрытой. Его глаза светились мутным жёлтым светом.

Первый пограничный страж, заметивший животное у дороги, решил было, что оно ранено и ищет пищу. Он приказал двум товарищам подойти ближе, рассчитывая убить тварь копьями прежде, чем она успеет скрыться в лесу. Они не знали, что скверна изменила не только тело зверя, но и его поведение.

Енот дождался, пока люди приблизятся, и бросился на них. Он двигался настолько быстро, что первый страж не успел даже выставить копьё. Тварь ударила его в грудь, сбила с ног и вцепилась в предплечье, когда тот попытался закрыть лицо. Клыки прошли сквозь кожаную защиту, а когти разорвали рукав вместе с кожей и мышцами.

Второй воин ударил копьём сбоку. Наконечник скользнул по хитиновому панцирю, оставив лишь неглубокую царапину. Енот развернулся, ударил его передними лапами по коленям и едва не повалил на землю. Третий страж сумел попасть копьём в промежуток между пластинами, но прежде, чем зверь окончательно затих, тот успел несколько раз полоснуть его по бедру.

Весь этот бой продолжался меньше минуты. Один человек погиб на месте. Второй умер позднее от потери крови и начавшегося заражения. Третий выжил, но после нескольких дней лихорадки его пришлось изолировать, и отправить прочь, а затем сжечь одежду и всё снаряжение, которое могло оказаться заражено скверной. Тогда на уничтожение одной небольшой твари ушли трое бойцов, двое из которых погибли. И это был всего лишь енот.

С тех пор на пограничной заставе никто не смеялся над сообщениями о мелких изменённых зверях. Размер существа больше не считался надёжным признаком опасности, исходящей от него. Иногда небольшая тварь оказывалась гораздо страшнее огромного зверя, поскольку

двигалась быстрее, имела крепкий панцирь и могла нанести смертельную рану прежде, чем человек успевал воспользоваться оружием. А теперь к стенам приближалось нечто гораздо более серьёзное.

Начальник смены появился на стене через несколько минут. Кан Джу Хван был широкоплечим мужчиной лет сорока, с коротко подстриженными волосами и старым шрамом, пересекавшим левую бровь. На границе он служил больше пятнадцати лет, успел пережить несколько крупных нападений и однажды провёл двое суток в разрушенном сторожевом посту, пока отряд изменённых волков бродил вокруг, не позволяя никому выбраться наружу. Он не любил паники, не терпел громких разговоров на посту и всегда требовал, чтобы докладывали о том, что человек действительно видел, а не о том, что ему показалось. Поэтому, услышав слова Пака о необычной тишине, он не стал немедленно поднимать тревогу.

Сначала он пришёл к стене, выслушал Чхве, затем взял у одного из стражей подзорную трубку — простую, с узкими деревянными стенками и отполированными линзами, которые позволяли рассмотреть отдельные участки леса, но не давали возможности заглянуть далеко в туман.

— Где именно ты заметил движение? — спросил он.

— Пока нигде, господин. Я сказал лишь, что птицы исчезли.

— Значит, пока у нас нет оснований говорить о нападении.

— Да, господин.

Кан Джу Хван приложил трубку к глазу. Он осмотрел ближайшие деревья, дорогу, участок сухой травы у внешнего рва и дальнюю низину, в которой обычно скапливался туман. Ничего не увидел. Лес оставался неподвижным, но чем дольше он смотрел, тем сильнее ему казалось, что эта неподвижность неестественна. Он уже собирался опустить трубку, когда на границе видимости что-то шевельнулось. И он снова присмотрелся. Сначала ему показалось, что это просто тёмная ветка качнулась на фоне серой дымки. Затем тень исчезла за стволом, а спустя мгновение появилась снова, уже ближе к дороге.

Кан Джу Хван замер.

— Лучник, сюда.

Молодой боец, стоявший у соседнего зубца, немедленно подошёл.

— Видишь что-нибудь?

— Пока не уверен.

Командир передал ему трубку и указал на участок между двумя высокими деревьями.

Лучник посмотрел туда, задержал дыхание, затем медленно опустил прибор.

— Там кто-то есть.

— Что именно?

— Не могу разобрать. Что-то движется низко над землёй.

— Одно?

— Не знаю.

Кан Джу Хван снова взял трубку. На этот раз он увидел движение отчётливее. Между стволами действительно перемещалось какое-то существо. Оно двигалось не так, как обычный зверь, который спешит к водопою или пытается скрыться от опасности. Тень появлялась из-за одного дерева, исчезала за другим, а затем снова возникала в стороне, словно существо выбирало путь, не желая выходить на открытое место. Через несколько мгновений за ним показалась ещё одна тень. Потом третья. Командир медленно убрал трубку от глаза.

— Поднимите тревогу… — приказал он. — Пока без колокола. Пусть лучники займут позиции, а остальные возьмут оружие и выйдут на стену. Никто не стреляет без моего приказа.

Стражи немедленно пришли в движение. Кто-то побежал к лестнице, кто-то направился к стойкам с оружием. Дежурные, до этого стоявшие у ворот, закрыли внутренние створки и проверили засовы. Несколько бойцов, находившихся во дворе, бросились к оружейному поме-

щению, где хранились щиты, копья и новые арбалеты. Приказ о тревоге ещё не успел разойтись по всей крепости, когда из леса вышло первое существо. Это был… енот… По крайней мере, когда-то он, вероятно, принадлежал к этому виду.

Теперь его тело было покрыто толстыми хитиновыми пластинами, на боках торчали острые костяные выступы, а передние лапы казались непропорционально большими. Он двигался на четырёх конечностях, но время от времени приподнимал переднюю часть тела, словно пытался лучше рассмотреть крепость. Его длинный хвост был почти лишён шерсти и покрыт рядами небольших роговых наростов.

Зверь остановился у края леса. Поднял голову. И посмотрел прямо на стену. Даже с такого расстояния стражам было видно, что его глаза отражают свет слишком ярко, словно внутри них горели маленькие жёлтые угли. Енот не бросился вперёд. Не попытался обойти крепость и не стал искать укрытие. Он просто стоял, слегка раскачиваясь на передних лапах, и наблюдал за людьми. За ним вышел второй. Потом третий. Затем из-за деревьев появилась ещё одна тварь, намного крупнее первых.

— Да чтоб вас… — выдохнул кто-то рядом.

Кан Джу Хван не стал делать замечание за ругань. Он сам хотел сказать нечто подобное. Потому что на дорогу выходили не просто изменённые звери. Они выходили вместе. Первое время пограничники пытались понять, что именно видят. Три енота с хитиновыми панцирями держались ближе к дороге. Один из них был заметно меньше остальных, но двигался быстрее и постоянно поворачивал голову, осматривая пространство. Второй имел особенно широкую грудь и тяжёлые передние лапы, которыми время от времени скрёб землю. Третий, самый крупный, отличался длинными изогнутыми клыками, выступавшими из нижней челюсти. Чуть дальше из тумана показались два существа, напоминавшие огромных барсуков. Их тела были низкими и массивными, спины покрывали костяные пластины, а на мордах виднелись грубые наросты, похожие на обломанные рога. Они не обращали внимания на енотов, хотя те время от времени пробегали совсем рядом. За барсуками двигались ещё какие-то твари.

Одна походила на волка, но её передние конечности были слишком длинными, а голова, напротив, казалась маленькой относительно туловища. Из пасти свисали тонкие нити слюны, а на спине торчали короткие костяные иглы. Другая была похожа на кабана, только вместо обычной шерсти её бока покрывали тёмные чешуйчатые пластины. Клыки выступали далеко за пределы пасти, изгибаясь вверх, словно два коротких кривых клинка.

Затем появился медведь. Он вышел из леса медленно, отодвинув плечом толстый ствол поваленного дерева, который лежал на его пути. И пограничным стражам, всего на мгновение показалось, что это был обычный бурый медведь, только слишком крупный. Но когда зверь полностью оказался на открытом участке, пограничники увидели, что его тело, под воздействием скверны, изменилось гораздо сильнее. Плечи твари были покрыты плотными костяными пластинами, которые местами срастались в единый панцирь. На боках виднелись глубокие борозды, словно под кожей росли дополнительные рёбра. Передние лапы заканчивались длинными чёрными когтями, а на морде, помимо обычных клыков, имелись два выступающих костяных отростка, направленных вперёд. Один удар такой лапы мог переломить человеку грудную клетку. Один взмах когтистой конечности — разорвать щит, если тот не был изготовлен из особо прочного дерева и не имел металлических накладок. А если такой медведь доберётся до ворот крепости, то сама его масса позволит ломать створки, даже если они выдержат первые удары.

И сейчас сам Кан Джу Хван смотрел на него и чувствовал, как под кожаным воротником становится влажно от пота.

— Сколько? — спросил он, не отводя взгляда.

— Двенадцать… нет, четырнадцать, — ответил лучник.

— Считай внимательно.

— Четырнадцать вижу точно. За медведем кто-то ещё движется.

Командир стиснул зубы. Четырнадцать существ уже были достаточной причиной для тревоги. Но гораздо хуже было то, что они принадлежали к разным видам.

На границе неоднократно встречались стаи изменённых волков. Иногда появлялись группы мелких тварей, которые двигались вместе, словно подчинялись одному инстинкту. Бывали и случаи, когда крупный зверь выходил из тумана вслед за более мелкими существами, но обычно они держались на расстоянии друг от друга и при первой возможности пытались напасть на слабейших.

Теперь же перед крепостью находились еноты, барсуки, волк, кабан и медведь, а чуть дальше виднелись ещё какие-то животные, которых никто из стражей не мог уверенно опознать. И самым страшным было именно то, что они… Не нападали друг на друга… Не пытались отогнать соседей от дороги. Не проявляли признаков страха перед более крупными существами. И самое тревожное — они словно не испытывали необходимости искать себе пищу. Медведь не бросался на енотов. Волк не пытался схватить кабана. Мелкие твари не разбегались, когда массивный зверь проходил рядом. Они просто двигались в одном направлении. К крепости.

— Это невозможно… — тихо произнёс один из старших стражей.

Кан Джу Хван услышал его.

— Что именно?

— Они не должны держаться вместе. Посмотрите на них. Волк, еноты, барсуки, медведь… Да они бы перегрызли друг другу глотки ещё в лесу.

— Если бы встретились при *обычных* обстоятельствах… — Мрачно ответил командир.

— А какие ещё могут быть обстоятельства?

На этот вопрос ему никто так и не ответил. Потому что все присутствующие уже подумали об одном и том же. Возможно, перед ними находились не случайно собравшиеся животные. Возможно, они двигались вслед за чем-то. И если всё обстояло именно так, то за пределами видимости могло находиться гораздо больше тварей, чем удавалось разглядеть со стены.

К полудню количество существ увеличилось. Они выходили из леса не непрерывным потоком, а небольшими группами, появляясь то в одном месте, то в другом. Иногда между появлением очередной твари проходило несколько минут. Затем из тумана сразу выходили трое или четверо, словно двигались по нескольким тропам, сходившимся у дороги. Стражи насчитали двадцать семь существ.

Потом тридцать два. Затем счёт пришлось начать заново, потому что некоторые твари исчезали за поваленными деревьями и вновь появлялись уже в другом месте. К этому времени даже старый командир крепости был вызван к стене. Он прибыл в сопровождении двух офицеров, выслушал доклад Кан Джу Хвана и сам посмотрел на скопление изменённых существ. Его лицо не изменилось, но он задержался у зубцов дольше, чем требовалось для обычного осмотра.

— Они ещё не атаковали? — спросил он.

— Нет, господин.

— Пытаются приблизиться к стене?

— Пока держатся у дороги и на открытом участке. Некоторые время от времени подходят ближе, но до рва не доходили.

— Может быть, они ищут проход?

— Не похоже. Они не рассредоточиваются и не обследуют местность так, как это делали бы обычные звери.

Командир крепости медленно кивнул.

— А если это не звериное поведение?

Кан Джу Хван не ответил. Офицер, стоявший слева от командира, посмотрел на медведя.

— Может быть, их что-то привлекает. Запах пищи? Кровь? Остатки тел?

— Мы ничего не оставляли у дороги. — Тут же возразил начальник смены. — И свежей крови не было…

— Тогда запах людей.

— Если бы они шли на запах людей, давно бросились бы к стене.

— Если бы они шли как обычные звери… — негромко произнёс командир крепости.

Он снова посмотрел на лес. Туман за деревьями не рассеивался. Напротив, в глубине он стал гуще, и теперь отдельные стволы постепенно исчезали за серой завесой. Иногда в ней мелькали тёмные силуэты, но определить, кому они принадлежали, было невозможно.

Командир повернулся к одному из офицеров.

— Передайте приказ. Все ворота закрыть. Запретить выход за пределы внешнего рва. Никто не должен приближаться к этим существам, даже если они начнут отходить. Лучникам занять места, но не тратить стрелы без необходимости. Копейщикам приготовиться к обороне у ворот.

— А что насчёт арбалетов?

Командир на мгновение замолчал. Вопрос был закономерным. В оружейном помещении крепости хранилось несколько новых устройств, которые сребровoлосый чужак называл арбалетами. Они выглядели непривычно по сравнению с обычными луками, были тяжелее и более громоздкими, зато позволяли натягивать тетиву при помощи рычажного механизма. Первые испытания показали, что при правильном использовании такое оружие могло пробивать толстые доски и поражать цели на расстоянии, недоступном для многих обычных стрел. Но главная ценность заключалась не в мощности.

Специальные болты, изготовленные А-рэ, несли на себе необычные рисунки и тонкие линии, заполненные особым составом. Сам чужак называл их амулетами против скверны, заключёнными в наконечники снарядов. Он не объяснил, как именно они действуют, и командир не пытался делать вид, будто понимает устройство этих вещей. Он лишь видел результаты. Изменённые существа, которых обычные копья едва могли ранить, после попадания таких болтов начинали терять силу. На некоторых вспыхивало странное чёрное пламя, выжигавшее поражённые участки тела. Другие падали почти сразу, словно удар приходился не только по плоти, но и по чему-то, что поддерживало их изменённое состояние. Это не означало, что новые снаряды гарантировали победу. Однако впервые за долгое время у пограничников появилось оружие, способное наносить изменённым тварям действительно серьёзный урон.

— Выдать арбалеты подготовленным стрелкам. — Немного подумав, всё же приказал командир. — Только тем, кто уже проходил обучение. Боеприпасы проверить, тетивы осмотреть. Никто не должен тратить болты впустую.

— Сколько снарядов?

— Все, что готовы к применению. Но особые болты держать отдельно. Их не расходовать на мелкие цели, если нет непосредственной угрозы.

Офицер поклонился и поспешил вниз. Командир остался у стены.

— И ещё… — добавил он вслед. — Проверить амулеты. У каждого бойца, который выйдет на стену, должен быть костяной амулет А-рэ. Если кто-то потерял свой, пусть немедленно доложит.

В этот раз никто не стал задавать вопросов. Костяные амулеты действительно немного успокаивали людей. Не потому, что пограничники полностью доверяли чужаку. Напротив, многие до сих пор считали его странным, скрытным и слишком самостоятельным. Никто не знал, откуда он пришёл, каким образом научился создавать свои необычные изделия и почему предпочитал жить в полуразрушенной башне, вместо того чтобы поселиться в деревне или крепости.

Но амулеты работали. По крайней мере, те из них, которые уже прошли проверку. Они были изготовлены из обработанной кости, тщательно отполированной и покрытой тонкими линиями, едва заметными при обычном освещении. Внутри некоторых проходили почти прозрачные прожилки, похожие на следы высохшей жидкости. Каждый амулет имел небольшое отверстие для шнура, а края были сглажены так, чтобы не царапать кожу и не цепляться за одежду.

Внешне они не выглядели особенно впечатляюще. Их нельзя было сравнить с дорогими нефритовыми талисманами, которые носили высокопоставленные чиновники и храмовые служители. Они не сверкали, не издавали звуков и не демонстрировали очевидных признаков магической силы. Но в присутствии скверны некоторые из них начинали менять оттенок, а в отдельных случаях на поверхности появлялось слабое свечение.

Ещё важнее было то, что амулеты А-рэ не просто реагировали на заражение. По результатам испытаний, они могли ослаблять воздействие скверны, хотя никто из пограничников не мог объяснить, каким образом. Воины не считали их абсолютной защитой. Они слишком хорошо знали, что даже самые дорогие обереги не спасают от удара когтистой лапы или от клыков, впившихся в горло. Амулет не заменял щит, не укреплял кости и не останавливал стрелу. Однако теперь, когда на стене появились десятки изменённых существ, каждый страж невольно касался рукой груди, проверяя, на месте ли костяной оберег.

У некоторых амулеты висели поверх одежды, у других были спрятаны под воротником. Один из старых бойцов даже привязал свой к кожаному ремню под нагрудной пластиной, чтобы не потерять в суматохе.

— Ты думаешь, они помогут? — спросил Пак Тэ Гон, заметив, как ветеран Чхве поправляет шнур на шее.

Чхве не сразу ответил.

— Не знаю.

— Но ты ведь видел, что случилось с теми тварями, которых убили артефактными болтами.

— Видел.

— Тогда почему…

— Потому что я не знаю, сколько их придётся убить, прежде чем они доберутся до стены.

Ветеран повернулся к молодому стражу.

— Амулет может помочь, если скверна попадёт на тебя. Болт может убить тварь, которую обычная стрела только разозлит. Но если ты позволишь медведю схватить себя за ногу, никакой амулет не сделает твою ногу целой. Если уронишь щит и побежишь, то, скорее всего, не успеешь добраться до лестницы. А если получишь ранение, тебе придётся немедленно сообщить об этом лекарю, даже если оно покажется пустяковым.

Пак опустил глаза.

— Я знаю.

— Нет. Ты слышал. Это не одно и то же.

Чхве снова посмотрел на лес.

— Мы не знаем, что там происходит. Поэтому будем делать то, чему нас учили. Держать строй, слушать приказы и не позволять страху заставить себя совершить глупость.

Он произнёс это спокойно, без попытки показаться храбрым. И именно поэтому Пак поверил ему. Когда арбалеты принесли на стену, несколько стражей невольно обернулись.

Оружие было тяжёлым, с широким ложем, металлическими креплениями и массивным рычажным механизмом. Оно не походило на изящные охотничьи арбалеты, которые иногда встречались у богатых путешественников. Внешне устройство напоминало грубый инструмент, приспособленный для стрельбы. В нём не было ничего лишнего, а все детали выглядели так, словно их можно было починить прямо в полевых условиях.

Рычаг позволял натягивать тетиву без чрезмерных усилий. При этом механизм требовал точного обращения. Если стрелок торопился, он мог неправильно зацепить тетиву или не до конца зафиксировать её в замке.

А-рэ предупреждал обо всём этом заранее. Он не обещал, что оружие сделает любого солдата искусным стрелком. Напротив, несколько раз повторил, что арбалет требует аккуратности, а его преимущество заключается в сочетании мощности, надёжности и возможности использовать специальные снаряды.

Теперь несколько бойцов занимали позиции у зубцов, проверяя оружие. Каждый получил запас обычных болтов и несколько особых, изготовленных сереброволосым чужаком. Особые снаряды хранились отдельно, в небольших деревянных коробах, обитых изнутри мягкой тканью. Их наконечники были тёмными, с тонкими линиями, которые расходились по металлу, словно ветви высохшего дерева. При ближайшем рассмотрении рисунки напоминали письменные знаки, хотя ни один из пограничников не мог их прочитать.

На некоторых болтах линии были нанесены настолько тонко, что казались царапинами. Другие имели небольшие углубления, заполненные тёмным составом, почти не отличимым от самого металла. Один из стрелков, молодой воин с коротко остриженными волосами, осторожно провёл пальцем по древку, стараясь не касаться наконечника.

— Ты думаешь, они действительно работают против скверны? — спросил он у товарища.

— Мы уже проверяли.

— На отдельных тварях.

— А ты хочешь проверить на всей этой толпе?

Стрелок замолчал. На стене действительно не было никого, кто хотел бы проверять новые болты на практике. Но если изменённые существа приблизятся к крепости, выбирать уже не придётся.

Командир обошёл стрелков, лично проверяя, все ли понимают порядок действий.

— Не стреляйте в одного и того же зверя одновременно, если он уже поражён. Сначала убедитесь, что болт попал и цель действительно остановилась. Если тварь продолжает двигаться, докладывайте. Приоритет — самые крупные существа и те, кто приблизится к воротам. Еноты опасны, но медведь способен разрушить внешние створки. Если он пойдёт на ворота, сосредоточить огонь на нём.

— А если они пойдут сразу с нескольких сторон? — спросил один из бойцов.

Командир посмотрел на него.

— Тогда будем решать по обстановке.

Это был не тот ответ, который хотелось услышать. Но другого у него не было. К полудню изменённые существа приблизились к внешнему рву. Никто не видел, кто именно сделал первый шаг. Возможно, это был один из енотов, который слишком долго стоял на дороге и внезапно двинулся вперёд. Возможно, медведь просто решил, что достаточно ждать. Как бы то ни было, после первого движения остальные твари постепенно начали смещаться к крепости. Не все сразу.

Некоторые продолжали стоять у леса, словно наблюдали за происходящим. Другие медленно шли по дороге, обходя крупные камни и поваленные деревья. Несколько мелких существ перемещались по обочине, иногда скрываясь в траве и вновь появляясь ближе к стенам. Они не издавали громких звуков. Лишь время от времени раздавался хруст веток под тяжёлыми лапами, шорох когтей по камню и низкое, почти неразличимое рычание, которое словно доносилось из глубины земли. Чем ближе они подходили, тем отчётливее становились детали их внешности.

У одного из енотов на спине обнаружились две дополнительные конечности, сложенные вдоль туловища. Они были тонкими, почти высохшими, но заканчивались острыми когтями. У

другого из пасти торчали два ряда зубов, расположенных так близко друг к другу, что казалось, будто его челюсти предназначены не для разрывания мяса, а для измельчения костей.

Один из барсуков имел на морде костяную пластину, закрывавшую почти всю переносицу. На ней виднелись тёмные отверстия, через которые зверь шумно втягивал воздух. Волк с длинными передними лапами время от времени поднимал голову и принюхивался, словно пытался уловить запах людей.

А медведь двигался всё ближе. Теперь стражи могли разглядеть его когти. Каждый был длиной почти с человеческую ладонь, чёрный, с неровной поверхностью и острым загнутым концом. На груди и плечах костяные пластины перекрывали друг друга так плотно, что между ними оставались лишь узкие щели. Местами они были покрыты тёмными пятнами, похожими на засохшую кровь.

Изменённый медведь остановился у рва. Он стоял так близко, что пограничники могли разглядеть движения его ноздрей и медленное подрагивание шерсти на морде. Затем поднял голову и посмотрел на стену. Несколько стражей невольно отступили от зубцов.

Это было не просто ощущение опасности, вызванное размерами зверя. В его взгляде не было той беспорядочной ярости, которую они привыкли видеть у изменённых животных. Он не бросался на камни, не рычал и не пытался немедленно добраться до людей. Он словно оценивал препятствие. Смотрел на стену, на ворота, на бойцов, стоявших между зубцами, и на арбалеты, которые держали в руках несколько стрелков. Потом медленно повернул голову в сторону дороги. И отступил на несколько шагов.

— Почему он уходит? — прошептал Пак.

Чхве не ответил. Медведь отошёл к остальным тварям и остановился рядом с одним из барсуков. Тот не проявил ни страха, ни агрессии. Они просто стояли бок о бок, словно подобное соседство было для них обычным. Затем медведь снова посмотрел на крепость.

В этот момент Кан Джу Хван почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он видел изменённых зверей, которые пытались обойти стену. Видел тех, кто метался перед воротами, пока стрелы не останавливали их. Видел даже тварей, которые замирали перед огнём, словно вспоминали что-то из прежней жизни. Но такого поведения он прежде не встречал. И именно это пугало сильнее всего.

Если бы существа бросились на крепость, можно было бы предположить, что ими движет голод, ярость или какой-то обычный для заражённых тварей инстинкт. Тогда следовало готовиться к нападению, укреплять ворота, расставлять стрелков и ждать момента, когда противник окажется в пределах выстрела. Но теперь они стояли перед стеной, не торопясь атаковать. Словно чего-то ждали.

Первым нарушил тишину один из мелких зверей. Он был похож на крупную крысу, но имел слишком длинные задние лапы и почти лишённый шерсти хвост, покрытый костяными кольцами. Тварь выбежала из-за медведя, пересекла несколько шагов открытого пространства и направилась прямо к рву. Стражи напряглись.

Крыса остановилась у края, подняла голову и издала короткий резкий писк. Звук оказался настолько громким, что несколько бойцов невольно вздрогнули. Затем тварь прыгнула вниз. Она исчезла за внешним откосом рва, и на мгновение показалось, что упала на дно. Но спустя секунду из-за края показалась её голова. Крыса цеплялась когтями за камни, подтягивая тело вверх. Её задние лапы двигались с пугающей силой, а длинный хвост извивался, помогая удерживать равновесие.

— Она лезет! — крикнул кто-то.

Кан Джу Хван поднял руку.

— Не стрелять!

Крыса выбралась на верхний край рва и остановилась. Она снова посмотрела на стену, затем развернулась и побежала обратно к остальным существам.

— Почему вы не позволили стрелять? — спросил один из лучников.

— Потому что я не знаю, чего они добиваются… — ответил командир. — И не собираюсь тратить особые болты на каждую тварь, которая решила пробежать несколько шагов.

— Но если они найдут способ преодолеть ров…

— Тогда мы будем стрелять.

Он говорил спокойно, однако внутри уже просчитывал возможные варианты.

Внешний ров был достаточно глубоким, чтобы затруднить продвижение крупных животных. На дне находились камни, заострённые колья и другие препятствия, установленные ещё до его назначения. Для обычных зверей преодоление рва представляло серьёзную проблему. Но изменённые существа не были обычными.

Некоторые могли карабкаться по камням. Другие прыгали гораздо дальше, чем позволяли их размеры. А если медведь сумеет выбраться на противоположный склон, то остальные могут воспользоваться его следами или просто пройти по образовавшемуся проходу. В таком случае ров перестанет быть надёжной преградой. А если все эти существа действительно двигаются вместе, то даже одна удачная попытка может открыть путь остальным. Командир посмотрел на ворота.

Он прекрасно знал, что если медведь доберётся до них, то долго удерживать створки будет трудно. Каменные стены выдержат удар, но сами ворота были сделаны из толстых деревянных балок, усиленных железными накладками. Они предназначались для защиты от людей, конных отрядов и большинства обычных тварей. Не для многократных ударов существа, способного весить в несколько раз больше лошади.

— Принесите ещё копий. — Резко приказал он. — И приготовьте балки для внутреннего укрепления ворот. Если начнётся атака, внешние створки должны удержаться хотя бы достаточно долго, чтобы мы успели отойти на внутреннюю линию.

— Вы думаете, они нападут?

Командир не ответил сразу. Сейчас он пристально смотрел на медведя, который вновь повернул голову в сторону стены.

— Я думаю, что мы не можем позволить себе рассчитывать на то, что они уйдут.

Время тянулось мучительно медленно. Стражи сменяли друг друга у зубцов, но никто не уходил далеко. Те, кто должен был отдыхать, оставались во дворе или у лестниц, ожидая приказа. Кухонные работники принесли воду и еду, однако большинство бойцов почти не притронулось к припасам. Даже самые опытные ветераны чувствовали, как напряжение постепенно нарастает.

Они привыкли к ожиданию. На границе приходилось часами смотреть на туман, не зная, появится ли из него что-нибудь. Иногда смена проходила спокойно, и единственным событием становился доклад о сломанном заборе или найденных следах. В другие дни приходилось поднимать тревогу из-за одиночной твари, которая приближалась к дороге.

Но сегодня ожидание было иным. Существа не уходили. Они продолжали стоять перед крепостью, постепенно занимая всё больше пространства у лесной опушки. Некоторые садились на землю. Другие ложились, положив головы на передние лапы. Медведь несколько раз обходил ближайших зверей, затем остановился на открытом участке, откуда хорошо просматривались ворота.

Время от времени из тумана появлялись новые силуэты. Сначала один. Потом ещё два. Затем целая группа, в которой стражи насчитали пять изменённых животных, похожих на крупных куниц. Их тела были вытянутыми, спины покрывали тёмные пластинки, а длинные хвосты оканчивались костяными шипами. Они двигались быстро, то исчезая в траве, то вновь появляясь возле дороги. За ними вышел ещё один волк. Потом второй. К вечеру количество видимых существ приблизилось к пятидесяти. И это были только те, кого удавалось различить на открытом участке.

— Сколько их там? — спросил командир крепости, стоявший у зубцов рядом с Кан Джу Хваном.

— Не знаю, господин.

— Ты должен хотя бы приблизительно оценивать количество.

— Мы считали несколько раз. Но часть существ скрывается за деревьями, а некоторые уходят обратно в туман и появляются снова. Я не могу сказать, сколько из них мы видели дважды.

Командир медленно выдохнул.

— Тогда считайте тех, кого видите сейчас. Отдельно отмечайте крупных, отдельно мелких. Если они начнут двигаться, мне нужен немедленный доклад.

— Будет исполнено.

Командир посмотрел на лес.

— Это может быть начало волны.

Кан Джу Хван не ответил, но лицо его стало ещё более напряжённым. О волнах изменённых существ на границе говорили давно. Обычно это слово использовали, когда из заражённых земель в течение короткого времени выходило необычно большое количество тварей. Причины были неизвестны. Иногда казалось, что их что-то выгоняет из глубины тумана. Иногда они двигались словно вслед за изменением самой заражённой местности. В некоторых случаях волны сопровождались появлением новых очагов скверны, в других — происходили без видимых причин.

Но независимо от причины результат обычно был одинаковым. Маленькие заставы исчезали первыми. Затем нападению подвергались крупные укрепления, которые не успевали получить подкрепление. Если защитники погибали или были вынуждены отступить, изменённые существа могли прорваться дальше, к деревням и дорогам. Иногда удавалось собрать достаточно сил, чтобы остановить их до того, как они достигали населённых областей. Иногда приходилось отступать, оставляя людям время на эвакуацию. А иногда не удавалось сделать ничего. Пограничные крепости строили не потому, что считали себя неприступными. Их задачей было задержать угрозу, предупредить соседние гарнизоны и дать людям возможность подготовиться к тому, что могло последовать за первой волной. Если эта волна действительно начиналась, крепость могла оказаться лишь первым препятствием на её пути.

— У нас есть арбалеты… — произнёс Кан Джу Хван, словно убеждая самого себя.

Командир повернулся к нему.

— Да.

— И болты А-рэ.

— Да.

— И амулеты.

— Да.

Он произносил эти слова медленно, проверяя их, словно каждое должно было стать отдельной опорой.

— Раньше у нас не было ничего подобного… — продолжил начальник смены. — Мы могли только стрелять обычными стрелами и надеяться, что попадём в уязвимое место.

— Теперь у нас есть больше возможностей… — ответил командир. — Но не следует путать возможности с гарантией победы.

Кан Джу Хван склонил голову.

— Я понимаю.

— Хорошо. Тогда проследите, чтобы каждый стрелок знал, что делать. Если они пойдут на стену, нам нельзя терять время на споры.

Командир уже собирался отойти, когда со стороны леса донёсся звук. Низкий, протяжный, словно кто-то провёл огромным когтем по полому стволу. Все разговоры оборвались.

Изменённый медведь поднял свою уродливую голову. Волки встали. Еноты одновременно повернулись к туману. Даже мелкие твари, до этого копошившиеся в траве, замерли, словно получили один и тот же приказ.

В этот момент Кан Джу Хван почувствовал, как сердце ударило в грудь сильнее обычного.

— Что это было? — прошептал Пак Тэ Гон.

Никто не ответил. Звук повторился. На этот раз он был громче, и стражи услышали в нём несколько отдельных нот — низкий гул, короткий скрежет и странный свист, который словно проходил сквозь деревья, не встречая препятствий. Затем из тумана донёсся треск. Не один сломанный сучок и не случайный хруст ветвей. Что-то большое двигалось в глубине леса, ломая на пути молодые деревья.

Кан Джу Хван медленно поднял подзорную трубку. На дальнем участке дороги, между двумя рядами почерневших стволов, появилось нечто огромное. Сначала он увидел лишь верхнюю часть тела — широкую, покрытую неровными наростами, которые могли оказаться панцирем или костяными пластинами. Затем существо шагнуло вперёд, и его очертания стали яснее.

Оно было выше медведя почти вдвое. Передние конечности казались слишком длинными, а плечи возвышались над головой, словно тело было создано для того, чтобы пробиваться сквозь густой лес. На спине торчали ряды острых выступов, а длинная морда заканчивалась широкими челюстями, в которых виднелись крупные, неровные зубы. Стражи не знали, к какому виду оно принадлежало. Никто из них никогда не видел ничего подобного. Но даже без опыта можно было понять, что это существо не просто крупнее остальных.

Оно явно было куда опаснее. Медведь, стоявший у рва, повернул голову в сторону нового создания и отступил на несколько шагов. Волки расступились. Еноты замерли, не пытаясь приблизиться. А огромная тварь продолжала идти, пока не вышла на открытое пространство перед крепостью. Тогда она остановилась. Медленно подняла голову. И посмотрела на стену.

— Всем занять позиции! — Решительно приказал командир крепости.

На этот раз его голос прозвучал так громко, что несколько бойцов вздрогнули. Стражи немедленно разошлись по местам. Лучники натянули тетивы, арбалетчики взяли оружие на изготовку. Копейщики заняли позиции у лестниц и внутренних проходов, а бойцы, отвечавшие за защиту ворот, начали устанавливать поперечные балки. Никто больше не пытался шутить. Теперь каждый понимал, что перед ними может быть не просто группа изменённых животных. Если тварей действительно становилось всё больше, если они двигались вместе и не нападали друг на друга, если их появление сопровождалось странными звуками из глубины тумана, то существовала вероятность, что крепость столкнулась с началом полноценной волны. А это означало, что времени на подготовку могло остаться совсем немного.

Кан Джу Хван посмотрел на арбалетчика, стоявшего у соседнего зубца.

— Проверил болты?

— Да, господин.

— Особые?

— Все на месте.

— Амулет?

Стрелок коснулся груди.

— На месте.

Командир смены оглядел остальных бойцов. У каждого на груди или под одеждой висел костяной оберег, изготовленный сереброволосым чужаком. Некоторые стражи держали в руках копья, другие — луки и арбалеты. На лицах читалась тревога, но никто не отступал от назначенной позиции.

Этого было мало, чтобы гарантировать победу. Но достаточно, чтобы продолжать сражаться. Кан Джу Хван сжал пальцы на древке копья. Он вспомнил, как А-рэ передавал крепости первые болты, как спокойно объяснял, что особые снаряды следует беречь и не расхо-

довать без необходимости. Тогда многие воспринимали его слова как осторожность человека, который не хотел тратить собственные материалы.

Теперь они понимали, что он имел в виду. Каждый болт мог стать разницей между жизнью и смертью. Каждый амулет мог дать раненому дополнительное время, прежде чем скверна начнёт менять его тело. Каждый человек на стене должен был знать, куда стрелять, когда отступать и как не подвергать товарищей ненужному риску.

И всё равно этого могло оказаться недостаточно. Потому что перед крепостью находились уже десятки существ, а за ними, в глубине тумана, могло скрываться ещё больше. Огромная тварь у дороги медленно раскрыла пасть. Из её горла вырвался низкий звук, от которого задрожали доски ворот и зазвенели металлические крепления на щитах. Изменённый медведь ответил глухим рычанием.

Затем все изменённые существа начали двигаться. Не бросились вперёд, не ринулись к стене с беспорядочной яростью, а словно по единому сигналу медленно двинулись к крепости, занимая пространство перед рвом. И в этот момент командир понял, что самое страшное ещё впереди. Если бы твари атаковали сразу, защитники могли бы встретить их огнём арбалетов и стрел, воспользоваться рвом и стенами, попытаться уничтожить самых опасных противников прежде, чем остальные доберутся до ворот.

Но существа не спешили. Они шли так, будто были уверены, что стена не станет для них непреодолимым препятствием. А за их спинами туман продолжал сгущаться. Из него доносились новые звуки — треск ломаемых деревьев, тяжёлые шаги и далёкий, почти нечеловеческий вой.

Кан Джу Хван поднял копьё.

— Стрелки, приготовиться!

Арбалетчики взвели рычажные механизмы. Тетивы натянулись, замки защёлкнулись, а особые болты легли в направляющие, готовые к выстрелу. На каждом наконечнике темнели тонкие линии, созданные рукой сереброволосого чужака. Пограничники не знали, почему эти рисунки действуют на скверну. Не знали, откуда А-рэ научился создавать подобные вещи и сможет ли он изготовить достаточно боеприпасов, если нападение затянется.

Но сейчас это не имело значения. У них было оружие. У них были амулеты. У них оставалась крепостная стена. И пока эти три вещи сохраняли свою силу, они не собирались отдавать врагу проход в человеческие земли.

Командир дождался, когда первая группа изменённых существ приблизится к внешнему рву. Затем опустил руку.

— Бьём по моей команде…

Он не успел закончить. Из глубины тумана раздался новый звук, на этот раз настолько мощный, что даже огромная тварь у дороги замерла и повернула голову. Это был не рёв животного. Не вой волка и не скрежет когтей по камню. Звук напоминал низкий, протяжный зов, который прокатился над лесом и словно заставил воздух задрожать. Все изменённые существа остановились. На несколько долгих мгновений перед крепостью воцарилась абсолютная тишина.

А затем из тумана начали выходить новые силуэты. Сначала десятки. Потом ещё десятки. И пограничники, глядя на бесконечно возникающие между деревьями тени, поняли, что всё, что они видели до сих пор, могло оказаться лишь передовым отрядом. Начальник смены почувствовал, как рука сама собой сильнее сжала копьё. На груди под одеждой лежал костяной амулет А-рэ. Рядом стояли стрелки с арбалетами, заряженными болтами, способными поражать скверну. Это давало надежду. Небольшую, хрупкую, но настоящую.

Однако надежда не отменяла того, что происходило перед их глазами. Крепость, которая ещё утром казалась надёжным заслоном между человеческими землями и заражённым лесом, теперь стояла перед угрозой, размеры которой никто не мог оценить. И если волна действи-

тельно началась, то скоро выяснится, достаточно ли у людей сил, чтобы удержать стену. Или же туман скверны наконец получит возможность шагнуть дальше, за пределы земель, которые уже давно считал своими.

Первые стрелы сорвались со стены ещё до того, как передовые твари приблизились к крепости на расстояние уверенного броска копья. Лучники действовали по давно заведённому порядку, которому их обучали с первых лет службы. Не торопиться расходовать редкие боеприпасы, не позволять противнику беспрепятственно подойти к стенам и, самое главное, не ждать, пока чудовища сами выберут удобный для нападения момент.

Команда прозвучала негромко, но её услышали все, кому полагалось. Старший лучник, стоявший у зубца стены, поднял руку, дождался, пока передовые стрелки займут позиции, и опустил ладонь. Над крепостью протянулся шелест спущенных тетив.

Обычные стрелы полетели вниз, в сторону приближающейся массы существ, и на короткое мгновение показалось, что привычные приёмы всё ещё способны удержать происходящее в пределах знакомого порядка. Стрелы настигали изменённых птиц, круживших над звериной толпой. Те отличались от обычных лесных пернатых не столько размерами, сколько уродливой неправильностью сложения. У одних крылья были слишком длинными и покрытыми жёсткими тёмными перьями, сквозь которые проступали костяные наросты… у других вместо нормального клюва выдавались изогнутые роговые пластины, а на головах поблёскивали мутные наросты, похожие на дополнительные глаза… Некоторые летели неровно, почти боком, словно каждое движение давалось им с трудом, однако даже эта неуклюжесть не мешала им быстро преодолевать расстояние.

Обычная стрела, попавшая в такую птицу, не всегда убивала её сразу, но результат всё равно оказывался заметным. Один из пернатых хищников получил попадание под крыло, резко дёрнулся, потерял высоту и рухнул в заросли, где его тело несколько раз перекувырнулось между кустами. Другая птица, пронзённая стрелой в шею, ещё некоторое время продолжала лететь, хлопая крыльями с такой силой, что её закрутило в воздухе, после чего она врезалась в ствол дерева. Третья рухнула прямо на землю, зацепившись крылом за высокую траву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.